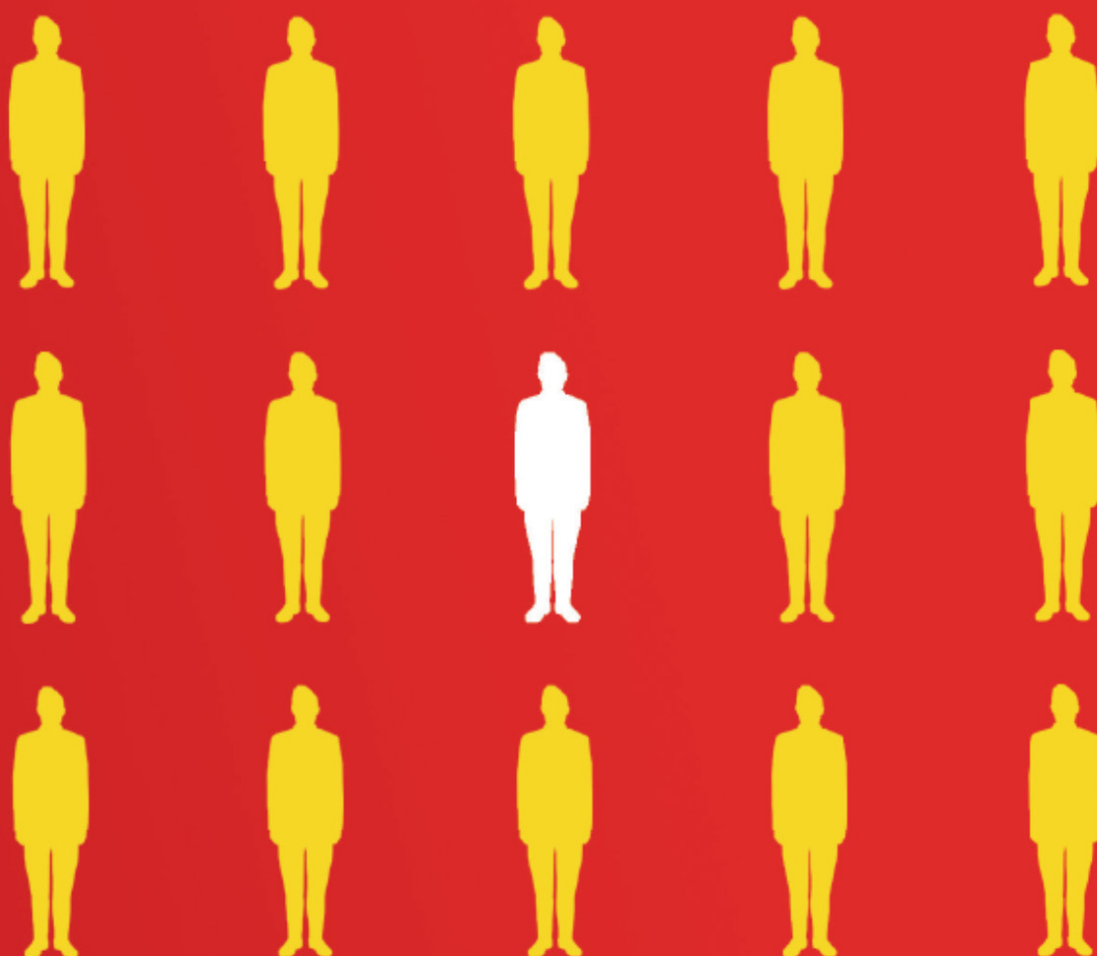


АНДРЕАС ПАТЦ



СОЛДАТЫ



Андреас Патц

Солдаты

«Titel-Verlag»

2020

Патц А.

Солдаты / А. Патц — «Titel-Verlag», 2020

ISBN 978-617-7517-91-6

Служба в армии всегда была и остается серьезным испытанием для парней. Молодые люди, привыкшие к домашнему уюту, заботе родителей, дружескому окружению, отправляясь на службу, попадают в непривычные условия, в которых жестокость, предательство и нередко подлость соседствуют с настоящей дружбой, благородством, взаимопомощью... Проверка на выносливость, попытка достойно пройти через все испытания становятся для них шагом к взрослению. Получится ли сохранить в себе веру, не уступить безбожию, насаждаемому в стране, и остаться честным перед собой, людьми и Богом – на эти вопросы каждый из воинов-христиан должен ответить сам. Повествование основано на реальных событиях. Некоторые имена и фамилии по понятным причинам изменены. Любые совпадения случайны.

ISBN 978-617-7517-91-6

© Патц А., 2020
© Titel-Verlag, 2020

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| I | 7 |
| II | 12 |
| III | 21 |
| IV | 33 |
| V | 37 |
| VI | 45 |
| Рассказ первый. Встреча в сарае | 53 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 54 |

Андреас Патц

Солдаты

*«Господь крепость моя и слава моя,
Он был мне спасением...»*

Книга Исход 15:2

©Titel-Verlag, 2020

www.christianin.eu

* * *

– Eine Tasse Kafef, bitte!¹

Молодой человек легко сбросил с себя длинное пальто, накинул его вместе с шарфом на спинку кожаного кресла и с удовольствием провалился в черном диванчике, стоявшем тут же, у столика в кафе международного аэропорта Вены. Приглушенный свет, со вкусом сделанная иллюминация, огромная, украшенная гирляндами рождественская елка, весьма гармонично вписывающиеся в холл международного терминала, создавали особый уют.

Австрийцы знают толк в кофе. Вместе с мизерной чашечкой приветливая официантка, одетая в национальное платье, принесла стакан минеральной воды. «Хм... воду-то я не заказывал», – подумал Сергей, но протестовать не стал. И не пожалел, кофе был непривычно крепким, минеральная вода оказалась как нельзя кстати.

Дорога в аэропорт слегка утомила. Несколько сотен километров по автобану, на котором снегопад периодически собирал длинные пробки, давали о себе знать. Теперь, с удовольствием потягивая бодрящий напиток, Сергей любовался многолюдным суетливо-чемоданным пейзажем.

За большим витринным окном всю хозяйничала стихия: автомобили, огромные автобусы и такси, «дворники» которых едва справлялись с прилипающим к ветровым стеклам снегом, бесконечным потоком тянулись к парадному входу. Из них высаживались кутающиеся в пальто, машинально втягивающие головы в воротники пассажиры. Волоча по снегу огромные чемоданы, они спешили к вожделенному укрытию – автоматическим стеклянным дверям.

Широко раскрываясь, двери щедро выпускали тепло, обдавая почти горячим воздухом входящих путешественников, а затем, поглотив их в бездонное чрево уютного зала, плавно и беззвучно закрывались за их спинами. Некоторое время яркий свет в фойе, будто извиняясь за столь неприветливую погоду, отражался на плечах путников, играя поблескивающими, не успевшими растаять снежинками.

В другом огромном окне ветер откровенно демонстрировал свою власть. На взлетной полосе, как, впрочем, и далеко за ее пределами, он, без сомнения, чувствовал себя полным хозяином – вольготно, не церемонясь, раскачивал осторожно, на ощупь выныривающие из-под низко нависших облаков самолеты, которые, сопротивляясь дерзким его порывам, изо всех сил пытались хоть сколько-нибудь мягко зацепиться колесами за взлетную полосу.

Рейс из Москвы в расписании полетов значился в числе задерживающихся. «Что ж, почему бы и не подождать, – подумал Сергей. – Тем более в такой шикарной обстановке». Уверенным движением молодой человек слегка ослабил галстук, сел на диване поудобнее, повернувшись так, чтобы было видно табло «Прилет», и задумался.

¹ Чашечку кофе, пожалуйста! (нем.)

Вена! Столица Австрии, сердце Европы!.. Мог ли он всего каких-то десять лет назад представить, что окажется здесь? Это казалось невероятным. Размышления Сергея прервали проходившие по залу пограничники. Своим видом, экипировкой, короткими автоматами на плечах направили они мысли бывшего солдата в другое русло...

I

Лучи яркого зимнего солнца, усиленные блеском свежевывающего снега, преломлялись в разрисованных морозом окнах, попадали на стекло серванта и затем, играя зайчиками, прыгали по всей комнате. В доме еще свежо, но мама уже затопила печь. Ее голос, обычно всегда спокойный и тихий, сегодня звучал взволнованно:

– Сережа, сынок, вставай, тебе пора!..

Сон уж было весь истрепался, но вставать не хотелось, лень. Мысли бегали вслед за зайчиками. По комнате. По подушке. Залезали в голову. Тормошили. Сегодня особый день, Сереже не нужно идти в школу. Все мальчишки их класса обязаны явиться в военкомат для оформления приписного свидетельства.

В процедуре, ожидающей прыщавых пареньков, не было, в общем-то, ничего сложного: пройти медкомиссию и ответить на вопросы анкеты. В ней и заключалась для Сергея особенность сегодняшнего дня. Впрочем, не столько в самой анкете, она-то как раз вполне обыденная, сколько в одном-единственном вопросе, который задают каждому будущему воину.

Простой, по меньшей мере для десятков миллионов людей, вопрос. Большинство ответит на него, не задумываясь, а кое-кто еще и за издевку примет, какой, дескать, Бог, вы что, на дворе XX век, в самой передовой стране живем. Но именно этот вопрос волновал сегодня Сергея больше всего: «Веришь ли ты в Бога?» Усложнялось дело тем, что Сережа и сам еще не совсем определился: верит он или нет.

С раннего детства паренек посещал церковь, читал Евангелие, делал это, казалось, искренне и с желанием. Но верит ли он в Бога?! Об этом Сережа никогда не задумывался, в дошкольном детстве вера была принята без колебаний, но с тех пор столько всего изменилось, столько всего узналось.

Вот уже несколько недель, в ожидании визита в военкомат, подросток терялся в размышлениях, мучительно копаясь в сознании, пытался окончательно решить для себя важный вопрос; бесконечно перебирая варианты, искал аргументы, находил доказательства, которые через короткое время сам же отвергал, ссылаясь то на одно, то на другое, апеллировал и вновь разочаровывался, вспоминал все новые нюансы, начиная с того, что Бога никто и никогда не видел, и заканчивая тем, что он, Сережка, еще слишком молод для того, чтобы давать ответы на подобные вопросы.

Школьные лекции не пропали даром – перед церковными праздниками они проходили регулярно и повсеместно. Перед Пасхой к ним непременно присовокуплялась неделя атеизма. Молодой человек вспоминал ревностную подготовку к ее проведению: учителя пытались максимально задействовать, возбудить инициативу учащихся, и если кто-то не проявлял должной активности, позволял себе преступную халатность, недопонимая важности темы, то к нему немедленно возникали вопросы: «С чего бы это? Уж не баптист ли?..»

Несмотря на гнетущую натянутость, на несоответствие масштабов профилактики ее важности, несмотря на демонстративное нежелание ей поддаваться, несмотря на очевидное отсутствие интереса к насаждаемым мероприятиям, последние оставляли в сознании след, зарождали сомнения, вытравливали даже намеки на веру.

Все это теперь, словно пыль в заброшенном чулане, поднималось из самых потаенных уголков памяти Сергея. Парень мучительно искал ответ: ну где, где этот Бог? почему Он не видим для людей? на каком основании и почему кто-то должен признавать не то что Его власть над собой, но и сам факт Его существования?..

Но как только Сергей окончательно решал, что именно так он и думает, так и верит, вернее, не верит, мысли словно по спирали начинали раскручиваться в обратную сторону: а что, если Он все же есть? Ведь существует масса косвенных подтверждений тому. Как объ-

яснить, например, величие, синхронность, гармонию и безо всякого сомнения мудрость природы? Совершенство мироздания! Не могло же все это возникнуть, как говорят в школе, вследствие какого-то когда-то где-то взрыва?! К тому же... дух человека. Ведь это вообще – тайна.

Бега по военкомату из кабинета в кабинет, от одного специалиста к другому, Сережа пытался понять самого себя. Призывники, раздетые до трусов – все изъязны-увечья-шрамы должны быть видны комиссии, – скапливались в небольшие кучки у кабинетов и, не теряя времени даром, делились впечатлениями. Страшного, впрочем, ничего не рассказывали, обычный осмотр. Сережа прошел его легко и без замечаний.

Одевшись, парень прошел в актовый зал. В передней части стоял ряд сдвинутых друг к другу столов, за ними сидели студенты, не поднимая головы записывающие анкетные данные постриженных «под сантиметр» будущих призывников. Напротив каждого стола – по одному призывнику. Вопрос – ответ, вопрос – ответ, отголоски тут и там, шум в зале и призывы, можно ли потише... Разница в возрасте между тем, кто вопрос задает, и тем, кто на него отвечает, минимальная – почти ровесники.

Сергей сел поближе к одному из столов и стал прислушиваться, всех ли спрашивают об этом, вдруг ему повезет и вопрос будет пропущен. Остальные пацаны ожидали своей очереди в кинотеатровских, сделанных из прессованной фанеры, звонко гремящих при вставании, потертых и поцарапанных, с обязательной надписью «Здесь был Вася» креслах. Молодые люди шумели, задирали друг друга, рассказывали курьезные случаи о том, как один зубного врача боялся, другой стеснялся уролога, третий решительно не хотел признавать себя лунатиком, и ржали, по словам опекающего их майора, аки кони.

Сергею было не до смеха. «Ну, что ж вы так расшумелись-то?» – думал он, слушая ответы товарищей, и убеждался, что злополучный вопрос задают всем без исключения – он попросту есть в анкете. «Надо постараться ответить так, чтобы никто не услышал. Может, и неплохо, что шумно в зале. Господи, ну, почему же здесь так душно?!» – подросток то краснел, то становился, как стена, бледным...

– Следующий, подходите! – оторвал от раздумий Сергея парень, сидевший за ближайшим столом. Восьмиклассник поднял взгляд и увидел, что, приготовив чистую анкету, парень смотрит прямо на него. «Ну все, теперь только вперед!» – сказал сам себе Сергей и рванул с места. Откидная сидуха возмущенно звякнула, ударилась о спинку кресла и закрипела, качаясь, на ослабленной пружине.

Фамилия, имя, дата рождения – сухие привычные вопросы. Есть ли родственники за границей? – нет, – судимые? – тоже нет, в каких войсках желал бы служить? почему именно в них? старшие братья служили? хорошо... Сергей отвечал четко и без запинки, хотя в его голосе и чувствовалось напряжение.

– В Бога веришь? – вот оно наконец.

Хм... Да что же это с голосом-то случилось? Хотел так же четко и уверенно ответить «Да!», но вместо этого... дал петуха – осечка.

– Не понял, – все еще не поднимая головы, сказал интервьюер. – Я спрашиваю, в Бога веришь?!

– Д-д-да, – и тут голос, наконец, прорвало, – д-да, да, верю!

Студент поднял голову так резко, что, казалось, его обдали кипятком:

– Ты это серьезно?!

– Вполне. Я – верующий! – уже совершенно спокойно ответил Сергей, чувствуя при этом, как горят от волнения уши.

– Ну ты даешь! А с виду вроде нормальный!

– Я и есть нормальный!

– А вот в армии и проверят, нормальный ты или нет...

Смешанные чувства переполняли Сергея, когда он возвращался домой. С одной стороны, была одержана как бы победа. Молодой человек хоть и не в полной мере, но все же чувствовал свободу. С другой стороны, Сережа был недоволен собой – победа была одержана именно «как бы». Не понравилось ему то, как он это сделал, сетовал на себя, на то, что поддался минутной слабости, злился за то, что на время потерял голос и по большому счету все же струсил.

Означает ли это, что по-настоящему свободным может быть только тот, кто свободен от чувства страха, кто имеет некое несокрушимое основание внутри себя, уж не в душе ли? А разве я уверен, что есть душа? Так вот, несокрушимое основание...

Вздор! Как можно быть свободным от чувства страха? Ведь это вполне естественное, природное, врожденное, как угодно, чувство, заложенное самим Богом. Сережа всегда был уверен в том, что ничего не боятся только дураки, всякому же нормальному человеку свойственна осторожность, страх – вполне нормальная реакция на опасность. Вопрос в другом: как победить страх в тех случаях, когда это необходимо? Например, ради чего-то высшего, большего, ради идеала какого-то. Зависит ли победа над чувством страха от возраста, опыта, характера человека, усилия его воли? От чего она вообще зависит?

Я вот осекся, подумал Сережа, спросили только, верю ли в Бога. Не смог спокойно ответить – значит, несвободен, загнан в страх. Что же мне нужно? Прикоснуться бы к Нему, поверить, почувствовать полную свободу и уже не бояться больше заявить всем и вся: «Я верю в Бога!»

Непростая это штука – свобода!..

* * *

Это непременно обращает на себя внимание, притягивает взор. Не обязательно даже масштабом своим, вовсе нет, и не какой-нибудь выпендренностью – исключительно внутренним наполнением. Каждое воскресенье, в одно и то же время, неизменно в одних и тех же местах, на одних и тех же улицах городов и деревень страны, напоминающей на карте спину огромного кита, появляются людские ручейки, образующиеся всякий раз из одних и тех же пешеходов.

И чем дальше, тем больше их становится: идут уже по двое, по трое, а ближе к цели превращаются и вовсе в настоящие потоки, которые, несмотря на всю очевидность свою, остаются настолько противоестественными, инородными и во всех отношениях необъяснимыми, нелогичными для этой страны, что возникает сомнение в их реальности.

Воскресенье – единственный день, когда советский человек может позволить себе выпастся, отдохнуть. Но эти люди – исключение, дважды в год, на праздники Рождества и Пасхи, пешеходов становится значительно больше. Что заставляет их в столь ранний час отправляться в путь?

Власть смотрит на все это как на злокачественную опухоль, как на явление, тормозящее неизбежное наступление коммунизма – конечной цели ее устремлений. Болезнь требуется как можно быстрее устранить, для этого не жалеют сил – печатаются брошюры, штампуются книги, множатся собрания сочинений, заполняются томами библиотеки, мелькают по всей стране стальные и каменные фетиши; полируются мозги лозунгами, лекциями, фильмами, митингами, демонстрациями; тотальный, никуда от него не деться, контроль изо всех сил старается сделать человека новым.

Борьба с религиозной заразой обходится государству в копеечку, стоит массу сил и времени, но на этом не экономят. С раннего детства всему многомиллионному населению страны внушается правильная вера, единственное и незыблемое восприятие мира. Каждый детсад, каждая школа, техникум, вуз – все под пристальным взором, все направлено на достижение единой, великой цели.

Водить в церковь детей запрещено – старики скоро вымрут, их заменит новое поколение с неповрежденным умом; молиться – запрещено, яйца красить на Пасху – архаизм, все это скоро уйдет в небытие. И вот она, кажется, цель, уже близко, рукой подать – почти не осталось в стране проклятых баптистов, сектантов и прочих трясунов. Нет их, нет и нет!.. Все вымерли, сгнили в тюрьмах, разбросаны, разметены на задворки передовой гегемонии. И спешат, успешные, рапортовать о достижениях своих, щедро рассыпают обещания, прочат светлое будущее...

Но откуда? Откуда этот несуществующий, противоестественный людской поток? Каждое воскресенье! Собираются и идут безо всякой команды, без пряников и кнутов, безо всякого, казалось бы, мало-мальски стоящего повода. Неизменно появляются в одно и то же время: в метель и мороз, жару и дождь, и ничто не может их остановить. Не трогают их будто ни насмешки, ни унижения, ни даже тюрьмы. Идут пешком иногда за десятки километров, добираются на перекладных, чтобы помолиться своему Богу, которого, наука доказала, не существует.

Поток бороздит, режет, жжет могучую спину Левиафана. Все в этом потоке: и бессилие стальных тисков, и сила высших, неподвластных никому идеалов, и непреклонная скромность слабовольных на вид людей, чистотой своей и верностью слепящих глаза любому, кто посмеет вступить с ними в борьбу...

Сергей понимал: если он примкнет к этому потоку, то окажется среди отшельников. Основная масса народа – кто притворно, кто всерьез – живет по другим принципам, любая, пусть самая незначительная карьера, получение образования, приличное рабочее место, без хождения в ногу, без пения в унисон немислимы, исключены. Выбор в пользу веры означает движение против всех и, как следствие, безоговорочное, не имеющее никакого шанса на возврат, списание в третий сорт.

И все же он любил это зрелище, наслаждался им; удивляло таинственное, по его понятиям, шествие. Многих этих людей Сережа знал в лицо, приветствуя его, они улыбались, он не был здесь чужим. Его сюда тянуло. Тянуло так сильно, что не мог дожидаться воскресенья. Воскресным утром нужно было встать очень рано, потому что ехать предстоит далеко, через весь город, чаще всего, с пересадкой. Ему нравился даже едкий выхлоп, проникающий в салон «Икаруса», а если повезет и попадетсЯ ЛиАЗ, то в нем всегда тепло и уютно, даже в морозные дни можно беззаботно проехать все четырнадцать выученных наизусть остановок и выйти на нужной, там, где ты вольешься в поток знакомых людей и, энергично вышагивая по скользкому тротуару, наслаждаясь праздничной, несмотря ни на что, атмосферой, пахнущей дымом из печных труб и забавно слепляющим крылышки носа морозом, устремись к приземистому дому на самой окраине города.

Старое здание было весьма простым, без куполов и украшений – низенький, переделанный под собрания путем устранения перегородок частный дом. Сердечность людей, которые в него приходили, была настоящей, она привлекала Сергея. Эти люди казались ему совершенно иными, не такими, как другие, абсолютно без позерства – спокойно, легко и свободно умели они помочь, поддержать, поднять друг друга, а иногда и указать на просчеты, если в этом была необходимость. Желание видаться, общаться, искренняя, неподдельная радость – все это невозможно было по-актерски сыграть. Искренность или есть, или ее нет. Здесь она была, и наличие ее делало обращение друг к другу «братья и сестры» вполне естественным.

Удивляло Сергея и необъяснимое их спокойствие – какой-то просто непостижимый внутренний мир. Не показной, не демонстративно-манерный, а, напротив, тщательно скрываемый, сберегаемый. Они, казалось, вообще не сталкиваются ни с какими проблемами.

Ивана Андреевича Сережа полюбил особенно. Отдавший 10 лет ГУЛАГу старец-дьякон никогда ни единым словом не обмолвился о том, что ему пришлось пережить. Во всем виде седого, на макушке порядком облысевшего, хрупкого, маленького роста старичка ощущалась гигантская внутренняя сила. Неспешные слова, когда он выходил на кафедру, при совершенно

слабом голосе обладали такой силой, были наполнены такой уверенностью, что, казалось, поднималась некая тяжелая завеса и перед слушателем открывался необъятный духовный мир с его горизонтом-вечностью и обитающим, царствующим над всей Вселенной, наполняющим Собою все во всем Богом.

Именно ему Сережа решил доверить свою маленькую тайну.

– Иван Андреевич, – обратился он к старцу, – мне нужен ваш совет. Христос говорил, что человеку необходимо родиться свыше, раскаяться в грехах и получить прощение. Как это сделать? Нужно ли ждать какого-то побуждения или же можно просто заявить о своем решении?

Приобняв паренька за плечи, Иван Андреевич добродушно, по-отечески его успокоил:

– Когда Господь постучит в твое сердце, сынок, ты сразу это почувствуешь. Его зов не перепутаешь ни с чем...

Сергей продолжал ожидать, но время шло, а сердце молчало. Он уже начал было опасаться, не пропустил ли нужного момента, как этот день настал – это было похоже на порыв ветра, будто плотина прорвалась, его существо буквально переродилось, в нем изменилось все. Нет, мир вокруг остался тем же, но отношение к нему стало другим. То, что вчера привлекало, сегодня оказалось неинтересным, что было ценным – превратилось в мусор. Решение принять крещение до того, как его призовут в армию, созрело окончательно. И оно по-настоящему встревожило маму.

– Сереженька, детка, – она часто называла его «деткой», – в жизни всякое бывает, не такие люди ломались. Крещение – серьезный шаг, обещание Богу верности. Мало ли, как пойдет служба, может, вначале лучше пройти испытания, а потом уже?..

– Нет, мам, я так решил, – прервал ее сын, – я решил еще и присягу не принимать. Если дам обещание Богу, то никому другому присягать на верность больше не буду.

В начале августа совершилось крещение, через два месяца Сергей проходил комиссию в военкомате.

II

«Годен к строевой» – значилось в документах. «Баптист», – красным жирным карандашом было написано по диагонали на обложке «Дела №...». Скоросшиватель призывники носили с собой по всем кабинетам, в последнем из них за столами, составленными буквой «П», восседали человек пятнадцать, – собственно, это и была областная комиссия.

Врачи, психологи, парտработники, особысты, ну и, конечно же, военные. Вошедший в кабинет призывник должен был встать в середину образованной столами арки, точно в нарисованные на полу «следы».

– Ну, что, воин, не выветрился еще Бог из твоей глупой башки? – начал беседу сидящий в центре мужчина, прочитав написанное на папке слово. – На вид вполне здоров, вот и врачи пишут: «Годен». Служить хочешь?

– Хочу, конечно!

– А с присягой как?

– С присягой – сложнее. Принимать не буду...

– Родина, значит, вас взрастила, выучила, а вы ей служить не желаете? – подал голос сидящий чуть в сторонке подполковник.

– Служить не отказываюсь, сказал ведь уже.

– Не отказывается он... А не боишься, молодой человек, что мы тебя к черту на кулички отправим? Там тебя даже твой Бог не найдет, – офицер слегка побагровел.

– Бог меня найдет везде. А что до куличек, то, когда принимал решение, подумал и о возможных последствиях.

– Подумал, значит, – протянул военный.

Подполковник стал медленно перебирать бумаги, какую-то из них отбросил в сторону, а потом резюмировал, обращаясь к комиссии:

– Товарищи, предлагаю отправить его в стройбат, пусть киркой помашет, может, поумнеет. Как вы считаете?

Товарищи закивали головами. Получив их согласие, офицер брезгливо бросил призывнику:

– Свободны, гражданин сектант! Вспомните наш разговор еще не раз, будете жалеть о своем решении!..

По пути домой Сергей старался успокоиться, сделал лишний круг по кварталу, чтобы мама не заметила его волнения.

Но материнское сердце не обманешь, женщина встретила сына внимательным взглядом:

– Ну как? Что сказали в военкомате?

– Сказали, что отправят в стройбат. Чего я и ожидал, в общем-то.

Мама постаралась не выдать волнения, но в глазах предательски блеснули слезы. Отвернулась...

– Так, братишка, слухай сюда внимательно, – увещевал призывника старший брат, – ничего сверх того, что переживают остальные, с тобой не случится. Понял? Все через это прошли, и...

– ...и в основном выжили, – закончил вместо брата Сергей.

– И-и-именно! Так что настрой себя соответственно, и все будет нормалёк. Главное, в такую погоду тепло одеться и иметь с собой хавчик. Понял?

Зима выдалась не на шутку. Морозы сковали город, дым из печных труб – ровненько, к небу. Оголенные ветви деревьев прикрылись пушистым красивым инеем. Холодная погода не стала препятствием для друзей, пожелавших прийти к военкомату в час отправки. Те, кто

пришел, старались поднять настроение, много шутили, делали вид, что все отлично, пытались всячески поддержать призывника.

Мама в этой компании оказалась оттесненной в сторонку. Она, конечно, тоже пробовала улыбаться, не подавать вида, старалась выглядеть бодрой. Лишь время от времени ловил на себе Сережа ее грустный взгляд и понимал, как ей сейчас нелегко – подряд четвертый солдат в семье. Только чуть-чуть побыли в полном составе, и вот снова расставание.

Спустя короткое время Сергей с горечью думал о том, что непростительно мало побыл с ней рядом. Не хотелось выглядеть маменькиным сыночком. Она ждала, он видел, она такая одна, с самым верным на свете сердцем. А сейчас...

А сейчас пора прощаться. Зовут. Минуты прощания всегда коротки, их постоянно не хватает. Дружеские похлопывания по плечу с парнями. Непонятное к чему и зачем: «Ну, давай!» Чего давать, кому давать? С девушками – скромнее, лишь пожатие руки. А потом – мамины глаза. В которых крайнее волнение и столько теплоты. Маленького роста, щупленькая женщина, покрытая шалью, взяла в свои руки его ладони:

– Будь умницей, сынок! Храни тебя Господь!

– Мам, да все будет нормально. Не переживай.

Отдернул руку. А она хотела еще немного ее подержать. Неловко так, несмело задержала было. Отмахнулся. Пора! Так и осталась в памяти эта несмелая попытка, материнское желание прижать его к себе хоть ненадолго. Еще помнящая мамино тепло рука схватила сумку и «вперед!». У ворот обернулся, улыбнулся провожающим. Шаг за ворота. Все – другой мир...

Подвал в здании военкомата, куда их загнали, являл собою унылое зрелище: небольшая комнатка, деревянные двухъярусные нары из неструганых досок, серые стены, одинокая, покрытая пылью лампочка, теснота. Благо, хоть тепло. Вошедшие с мороза молодые люди с рюкзаками, сумками и чемоданами бросились занимать места на лежбище. Запах перегара, лука и весь остальной набор, принесенный с бурных проводов, наполнял тесное помещение.

Сергей нашел свободное место, прилег на нижней полке, огляделся. «Дембель неизбежен!» – прочитал криво нацарапанное чем-то острым на стене. Спасибо, добрый неведомый глашатай, утешил. Интересно наблюдать за тем, что происходит вокруг. Публика колоритная, развязная, потому что молодая, да еще большинство навеселе.

Кто-то говорил нарочито громко, вел себя вызывающе, кто-то пытался на глазах у «покупателей» пить водку, кто-то был скромнее, старался познакомиться с соседом по нарам и завести тихую беседу; а кто-то пытался уснуть, присоединиться к уже похрапывающим. Основная же масса вела себя, как Сергей, – молча лежала и пассивно наблюдала за происходящим.

«Покупателями» зовут тех, кто приехал из части принять, или, на солдатском жаргоне, «купить» новобранцев и сопроводить их к месту службы. Обычно это были младшие офицеры или прапорщики, иногда в сопровождении сержанта.

– Та-а-ак, воины! – голос прапорщика, резкий, с гнусцой, прервал разговоры призывников и разбудил спящих. – Выходи строиться в коридор. Я не понял, вы че, оглохли! Строиться, я сказал!

Парни медленно, нехотя начали вставать с мест и неуклюже, неровно строиться в коридоре.

– Живей-живей, пошевеливайся. Сумки с собой берем, ставим под ноги, открываем.

– Какого хрена я вам свои личные вещи показывать должен? – прозвучал дерзкий, явно пьяный голос какого-то парня.

– Так, фамилия, воин? – взвыл прапор.

– Петров.

– Так вот, Петров, все твои права остались за воротами, а здесь у тебя одни обязанности. Понял?

– Да, паш-шел ты!.. – буркнул себе под нос тот.

– Не слышу, понял?

– Да, по-о-онял, понял, – уже громче выдавил из себя Петров.

Несколько бутылок водки переключались в сумку сержанта-«покупателя». Гораздо большее количество поллитровок незаметно скрылось в недрах широкополых шуб призывников. «Все равно ужремся!»

– Разойтись! И смотрите мне, напьетесь, пеняйте на себя!

– А куда служить-то едем, командир? – это снова Петров.

– Тебя, урод, я лично отвезу туда, куда Макар телят не гонял.

– Кто бы сомневался. И где же эта дыра? Как она хоть называется?

– Нижний Тагил, Петров, центр Вселенной!

– Ха-ха... Ну, теперь хоть буду знать, в каком месте у Вселенной эт-та... центр.

Гомерический хохот взорвал коридор.

– Ты мне еще поумничай, клоун сраный, я тебя быстренько снег чистить отправлю. Заодно протрезвеешь.

– Молчу, начальник, молчу...

Парни вернулись на свои места, загудели, разгоряченные услышанной новостью о конечном пункте назначения. Сергей занял прежнее место, попытался задремать. Сон не шел, вспоминались минуты прощания с друзьями, мамыны глаза. Господи, это ж все только начинается!..

Мелькнуло вдруг знакомое лицо. Неужели показалось? Да нет же, так и есть: Вовчик!

Паренек, несмело подсевший к Сергею, принадлежал к так называемой нелегальной, потому что незарегистрированной церкви. Он имел нрав человека, о котором можно сказать: мухи не обидит, и был настолько застенчив, что, казалось, любой желающий мог безнаказанно над ним издеваться. Впрочем, почему казалось? Так оно и было. Очень тихий, скромный парень в этой компании не мог найтись, робко произнес:

– Ну вот, стало быть, будем служить вместе.

– Будем, если в разные части не отправят...

– Слушай, Серега, а ты присягу принимать будешь?

– Нет, не буду.

– Давай, может, вместе об этом заявим.

– Конечно. Главное, чтобы нас не раскидали. Говорят, всякое бывает, могут еще в разные места разослать.

– Не хотелось бы.

– Посмотрим...

– Та-а-ак! – одетый в шинель прапор влетел в комнату, будто ошпаренный. – Выходим во двор строиться!

Будущие солдаты медленно потянулись к выходу. Каждый норовил выйти из теплого помещения последним.

На улице заметно похолодало, начинало смеркаться. Построились, как смогли. Первое: «Равняйся, смирно! Шаго-о-ом арш!» Размеренно захрустел под ногами снег – мороз усилился. «Раз... р-р-раз... раз, два, три! Ногу подбери! Ногу, я сказал!»

С полчаса шли к железнодорожному вокзалу. Еще столько же ждали поезда. Как только он остановился, успевшие замерзнуть призывники, не дожидаясь команды, рванули в открывшиеся двери, каждый хотел занять место поприличней. Внутри насторожились гражданские пассажиры: призывники, да еще подвыпившие. Шумно расселись, нарушили спокойную вагонную атмосферу. Первым делом извлекли оставшуюся водку, пошел по кругу стакан; разговор стал эмоциональнее, громче, компания – дружнее. Потянулась вереница в тамбур. Покурить.

Товарищ по фамилии Петров выделялся в этом косяке не только габаритами, но и возрастом, выглядел гораздо старше остальных. К нему, будто к негласному авторитету, примкнули еще несколько парней. Компания. Тут же в вагоне оказались дембеля – все разукрашенные, в

парадке со значками, с аксельбантами. Водка, сигареты, неосторожное слово: «Че, такие крутые, что ли? Видали мы таких...» Подрались. Общими усилиями конфликт замяли. Дебоширы вернулись на свои места, качающийся поезд быстро сморил их в дреме, в вагоне, наконец, все стихло, за окном мелькали столбы и снегозадержатели, трещала морозом надвигающаяся ночь.

Сильный толчок пробудил Сергея ото сна. Прапорщик шел по проходу и грубо, чтобы почувствовалось, толкал своих подопечных в бок, вернее, куда попадет. Проснувшись, они подсакивали, смотрели вслед удаляющейся шинели «покупателя» и пытались осознать команду:

– Так, солдаты, подъем! Встаем, сказал. Приехали! Хватит дрыхнуть, готовимся к выходу, прибываем...

Вставать не хотелось, казалось, только уснул, расслабился в сладкой неге и, конечно, успел забыть, что спишь не дома в постели, а на полке в вагоне.

Колесные пары заскрипели сильнее, поезд закачался на развилках. Стрелки одна за другой, плетеные косы путей, тянулись к станции. Оказалось, ехали не так уж и долго. Пересадка.

Заспанные, разморенные призывники вышли на промерзший ночной перрон, попытались построиться. Вечерние герои, немного поспав, вид обрели плачевный. Петров подсвечивал конкретным синяком, его дружки поправляли оторванные воротники, кутались в плешивые шарфы. Судя по виду, им было порядком муторно. Бодрость тела предательски покинула будущих воинов, бодрость духа не спасала.

Пересчитав всех, прапор наконец разрешил пройти в здание вокзала. Новобранцы в надежде, что там будет тепло, ринулись вовнутрь. Ошиблись. Высокие потолки отзывались типичным вокзальным эхом. Зал ожидания, как оказалось, едва отапливался, согреться не удалось, не помогли даже валенки и шубы. Прапор зорким соколом следил за тем, чтобы никто не отлучился «за бутылочкой». Да и где ее купить ночью!

Ближе к утру наконец-то прозвучала команда строиться. Подмятые парни с энтузиазмом встали в шеренгу, вышли на мороз. Чтобы не замерзнуть, нужно двигаться, бегать, прыгать нога об ногу. Так должно быть теплее. Надо же, морозяка!

Долгожданный поезд, словно призрак, покачиваясь, выплыл из темноты. Обросший инеем передок локомотива прогремел мимо, гудя мощными моторами и таща за собой истрепанные временем вагоны. Затянутые морозом окна порождали неприятные догадки. Призрак, скрипя тормозами, наконец, встал. Примерзшие, засыпанные снегом двери не открывались. Изнутри никто не помогал – слово «проводник» здесь не значилось, состав предназначался только для перевозки новобранцев.

После нескольких попыток удалось кое-как открыть вагон. Добро пожаловать! Со скрипом поддалась и откинулась металлическая ступенька, разинул свой беззубый рот тамбур, из него пахло смесью старых окурков и смешанного мусора, брошенного в примерзшее к грязному полу ведро.

Слабая надежда на то, что в вагоне удастся согреться, исчезала по мере того, как новобранцы пробирались в совершенно темный, не освещенный ни одной, даже самой слабой лампочкой вагон. Кромешная тьма. Худшие догадки подтвердились – отопление в вагоне не работало. Замерзшая вода изнутри разорвала батареи, растеклась по полу и превратилась в лед, образовав в проходе настоящий каток. В валенках идти по нему было опасно.

– Да-а-а, не Рио-де-Жанейро! – попытался кто-то изобразить Остапа Бендера.

– Комсомольск-на-Амуре, – откликнулся чей-то голос из темноты. – Заграница нам поможет!..

Чиркнули в темноте спички, кто-то попытался сориентироваться в пространстве. Еще одна новость: свободных мест нет. Вообще нет! Вагон переполнен. Новобранцы из Узбекистана плотно утрамбовали все 54 полки, умудрившись на нижних лежать даже по трое.

Обстоятельство это, судя по всему, никого из организаторов не волновало. Где-то в купе для проводников спал пьяный «покупатель», за своих узбеков он не переживал: куда они сбегут

с подводной лодки! Скользя по льду и придерживаясь за настывшие металлические поручни, новые пассажиры начали пробираться в глубь вагона. Глаза потихоньку привыкали к темноте, появились очертания сидящих и лежащих силуэтов.

Сергей наугад поднялся на первую попавшуюся третью полку, и, о счастье, она оказалась пустой. Невероятно, но на ней лежал даже матрац. Немудрено в такой темноте. Не снимая валенок и шубы, молодой человек как можно плотнее укутался во все, что оказалось под рукой, и попытался согреться. Последнее оказалось делом непростым. Ночь в промерзшем вокзале и добрые полчаса на морозном перроне давали о себе знать. Матрац тоже настыл, температура в вагоне разве что на пару градусов отличалась от наружной. В этом ледяном комфорте предстояло провести добрые сутки, а то и больше – никто этого точно не знал.

Постепенно удалось своим телом нагреть матрац. Медленно стали отходить окоченевшие руки. Сергей лежал с закрытыми глазами, пытался уснуть. В вагоне тут и там слышался шум: кто-то ругался из-за места, кто-то кого-то пытался согнать с полки, а кого-то уже разнимал прапорщик: в темноте ему было непросто уговорить пьяную публику и навести порядок. Постепенно все успокоилось, незаметно одолел сон и Сережу. Во сне было лето...

* * *

Степь. Бескрайняя, дышащая жаром играющего над пожелтевшей травой марева, казахстанская степь. Жизни здесь нет. Впрочем, наверное, все же есть, не может быть, чтобы совсем не было, но признаков ее бесконечно мало. Сутулые верблюды, такие же желтые и выгоревшие, как и все вокруг, редкими путниками всплывают изредка над ровной поверхностью бесконечно унылых просторов. Идут, покачивая тощими, свисшими набок горбами, или лежат прямо на пыльной траве, прогнув дугой плешистые шеи. Внимательный взгляд, при наличии некоторой степени удачи, обязательно выхватит на фоне выгоревшей травы щупленькие тельца сусликов, солдатики вытянувшихся, поджавших лапки, с интересом куда-то смотрящих. Хоть какая-то жизнь... А еще может вдруг, непонятно откуда появиться когда-то давно, в прошлой жизни, окрашенный в голубую краску, а теперь уже с полинялой кабиной и облезлыми бортами грузовик, поднимающий шлейф пыли на дороге, подпрыгивающий на кочках. Какой-нибудь ГАЗ-53, куда-то к своей, одному ему известной цели направляющийся и через минуту так же непонятно куда-то исчезающий.

Попадают редкие, через 100–150, а может, и все 200 километров железнодорожные станции, если их можно назвать столь громким словом, часто полуживые, нередко совсем заброшенные. Вечно горячий, обжигающий ветер, если опять же согласиться с тем, что он является признаком жизни, дает о себе знать мягким, колышущим редкие кусты дуновением. Не гнушается степной бродяга и солончаковой пылью – подхватывает ее легко и гонит по пустыне, метет по улицам несуществующих городов. Иногда хватается за колючие щупальца сухой куст полыни – перекасти-поле – и забавляется им, как огромным мячом, катит, приостанавливая на каком-нибудь случайном бугорке, и затем с полной силой разгоняет вновь, чтобы чуть позже, потеряв всякий к нему интерес, равнодушно оставить где-то посреди поля. И еще солнце, оно здесь тоже есть, его много, настолько много, что не укрыться от него нигде. Даже в тени. Которой, впрочем, здесь тоже почти нет...

Поезд Иркутск – Адлер, преодолевая самый неприятный участок своего маршрута, неспешно, будто нарочно подставляя и без того раскаленный металл полинявших вагонов под нещадно палящее солнце, волочится по степи.

Покинув вечером прохладный Орск, где стоит долго, потому что меняется локомотив, железнодорожник ходит, бьет молоточком по колесам, где обязательно нужно закачать воду в туалеты, к утру обнаруживает себя пассажирский состав на подъезде к пустыне. На рассвете

зеленая из семнадцати вагонов змейка, упруго натянутая тепловозом в ровную линию, минует Кандагач и, наметив себе следующую цель, скользит к ней по выгоревшей степи.

Оставив позади Шубар-Кудук, иногда его пишут одним словом – Шубаркудук, поезд обреченно движется в направлении беспощадного, с раннего утра уже агрессивного пекла в достигающую к полудню своего апогея огнедышащую преисподнюю.

Пассажиры должны набраться терпения – минералку и лимонад, если повезло и они были в наличии, нужно было закупить в Орске – им теперь очень, очень пригодятся напитки. Ибо вплоть до Маката, а то и самого Гурьева, поезд будет находиться в плену пустыни, в ее абсолютной, безраздельной власти.

Степная пыль, перемешанная с тепловозным выхлопом, проникает через открытые немногие окна; немногие, потому что проводники по неизвестным никому причинам, под страхом самой жестокой кары не разрешают их открывать. Почти все окна надежно замурованы и для верности закрыты ключом-трехгранником. И все же пыль на дланях горячего ветра проникает в вагон и забивает собою все доступные щели и, конечно, глаза пассажиров. В то же время никакой, даже самый настойчивый и дерзкий ветер не способен выветрить или хотя бы чуть-чуть развеять спертый дух, до предела уплотненный квинтэссенцией запахов пота, сала и обязательно лука, долго нестиранных носков и разлитого на грязном полу пива, мусорного, всегда полного ящика у туалета и свежего, купленного в ресторане за два рубля комплексного обеда, а также многих других, не обязательно приятных ароматов. Обнаружив свое преимущество, злой дух разнообразным красноречием свидетельствует о том, что люди – много людей – уже долгое время едут в замкнутом, тесном и душном пространстве.

Степь да степь, выражаясь словами песенника, кругом, и только, словно редкие зубы, одиноко торчат из земли покосившиеся столбы с провисшими, а кое-где и оборванными проводами. Отчаявшийся глаз, оторвавшись от надоевшей книжки или незаполненного в трудных местах кроссворда, ищет, не устает, хоть какое-то разнообразие, тщится обнаружить любое движение, какие-то самые незначительные признаки жизни. Но ничто не привлекает его в голой степи. Единственная радость – если вдруг случается, хоть и чрезвычайно редко, – поворот железнодорожного полотна. Увидеть в окошко хвост состава или, наоборот, впереди пыхтящий черным дымом тепловоз – отрада. Ибо смена картинки. Ничто не может быть однообразнее, монотоннее и тоскливее растянувшейся до горизонта казахстанской степи...

Неожиданно появляющиеся в окне полустанки в два-три дома сами по себе – событие. Покосившиеся, с облупленной штукатуркой жалкие мазанки с потрескавшимися, а где-то и вообще выбитыми окнами, засыпанными песком подоконниками и окрашенными гудроном завалинками, приземистые сарайчики, слепленные из коровьего навоза, унылые и безропотные, всплывают из-за горизонта, обнаруживают себя посреди голого поля и, кажется, вопиют о бессмысленности жизни. Впрочем, разве это можно назвать жизнью: нелепость обитания на забытом всеми, выжженном солнцем, огромном, почти в 500 километров, пространстве земли?! «Для чего и зачем эти люди здесь, как и на что они живут, вот так, посреди пустыни, за сотни миль до ближайшей цивилизации?» – думает пленник пустыни, глядя в мутное от грязи вагонное окно, залитое, как полагается, раскатами туалетной, в том смысле, что из туалета, воды.

И дети. Взрослых здесь почти никогда не видно, разве что мелькнет на редком переезде женщина, обязательно маленькая и круглая, в неизменной ярко-желтой жилетке и флажком в руке, равнодушно стоящая возле своего служебного домика. Дети. Чумазные и почти голые, в одних трусиках, босиком, да, босиком в такой зной! И без того смуглые, вдобавок еще и загорелые казачата катят перед собой самодельные игрушки – старые, погнутые, наполовину без спиц и, конечно, без покрышки, заржавевшие велосипедные колеса с прикрепленными к ним «рулями» из толстой проволоки. Бегут они вдоль полотна, сопровождая поезд, если он, не останавливаясь, медленно проходит по разъезду, и всегда обязательно что-то кричат.

Если же состав минует полустанок на большой скорости, ребяшня, притормозив колеса, но не выпуская проволоки из рук, тоскливо смотрит на блестящие под лучами солнца вагоны. Не подозревая, впрочем, что из них на малышей с таким же интересом смотрят ошалевшие от скуки пассажиры.

Иногда вдруг (никто не ведает где и почему, ибо с расписанием это никак не связано) поезд останавливается на каком-нибудь полустанке, и тогда обитатели вагонов переживают настоящее развлечение. Все имеющиеся в наличии местные дети мчатся к вагону-ресторану и берут его штурмом, атакуя прямо с придорожного, безо всякой платформы, посыпанного разве что гравием, низкого кювета. Официанты ресторана, как бы и кому это ни показалось странным, открывают перед ними двери – встречают клиентов, скупающих все подряд: конфеты, лимонад, печенье...

Путешественники в это время прилипают носами к своим окнам и с интересом наблюдают за бесплатным цирком. Цирк, однако, длится недолго. Машинист, высунув голову в маленькое окошко, тянет рычажок сигнала на себя или, на свое усмотрение, двигает его от себя. В зависимости от выбора, раздается длинный гудок или тонкий свисток, и тепловоз мягко трогается с места, увлекая за собой темно-зеленый состав.

Клацают сцепки вагонов. Местный десант спешно высаживается из ресторана – ловко и аккуратно спрыгивает босыми ногами прямо на пропитанную мазутом гальку, стараясь не выронить, не рассыпать драгоценные покупки, наспех завернутые в плотную серую бумагу, а то и вовсе в газету. Зрители в окнах оживляются, для них становится чрезвычайно важным, и об этом они шумно рассуждают, успеют ли ребяташки покинуть ресторан.

Со ступенек спрыгивает подросток. Он такой же, как все, ничем не отличается, но оживление в рядах зрителей легко объясняется: «Глянь, – кричат они, – мальчик держит в руках кусочек сливочного масла!» И все бы ничего, никого бы это, наверное, не удивило, но масло, сливочное масло, без обертки! Даже клочка бумаги на нем нет, даже газетки. Мальчишка со всех ног бежит, потому что масло в руках, потому что жара – он летит в сторону поселка, до которого не близко. Масло быстро тает, скользит, норовит выскочить из горячих рук, а он все бежит, не глядя под ноги, спотыкаясь, больно ударяясь босыми ногами о торчащую из земли железяку, чудом удерживая равновесие, бежит, прихрамывая, бежит, торопится, бежит...

Вагоны набирают скорость, колеса скользят по стальным рельсам, из трубы локомотива рвется густой дым. Но пассажирам хочется, как ни странно, чтобы не так быстро разогнался состав – очень уж интересно, успеет ли чумазый покупатель добежать домой раньше, чем масло в его руках растает.

Поток дыма из трубы резко усиливается, машинист дает двигателям полную нагрузку, выхлоп чернее, гуще, динамичнее, шлепанье колес на стыках рельсов сменяется ускоряющейся чечеткой. Сильная машина, разрезая метельником пространство и втягивая в систему горячий воздух, увлекает за собой металлическую гармошку, направляя ее в сторону моря, – до него всего-то, даст Бог, километров 200 – туда, в освобождающую прохладу тянут дизеля свой семнадцативагонный хвост.

Мальчик с маслом исчезает за горизонтом...

* * *

Оживленный разговор разбудил Сережу. Несколько мгновений понадобилось парню, чтобы прийти в себя, вернуться в реальность. За окном та же самая степь, которую он только что видел во сне, только покрытая снегом. Товарищи-призывники где-то раздобыли водку, просмотрел-таки старшина, и воодушевленно ею грелись. Ярко светящему в окна вагона солнцу, кажется, удалось все же придать немного позитива в атмосфере внутри металлической коробки, ползущей по одинокой колее. Тем не менее об умывании и туалете речи быть

не может. Стойкий запах, царящий в вагоне, настойчиво предостерегает от легкомысленного похода в заведение.

– Земеля, давай к нам, хлобыстни водочки, – пригласил Сергея веселый паренек, увидев, что тот проснулся.

– Нет, спасибо, я не пью, – ответил Сережа.

– Да лан! Такого не бывает. Пацаны, вы слышали, он не пьет!..

То ли увидев серьезное лицо Сергея, то ли почувствовав его решимость, парень перестал настаивать и вновь вернулся к общению со своими новыми товарищами:

– Так вот, чё я говорю-то, мужики, дембель не баба, он всех подождет. Чем не повод? Выпьем!..

Короткий зимний день быстро угас. Красный солнечный шар плавно закатился за край покрытой снегом степи. В вагоне вновь стало темно. Желудок подавал сигналы, напоминал Сергею о том, что за весь день он так ничего и не съел. Юноша лежал на своей полке и не мог отделаться от назойливой мысли, что впереди его ожидают два года бессмыслицы – время, навсегда потерянное, которое никогда, никем и ничем не восполнится...

Ранний вечер, отсутствие освещения и горячительные напитки при недостатке пищи сделали свое дело. Вагон, едва ожив, снова погрузился в безмолвие. Последняя ночь на гражданке. Вряд ли она надолго запомнится кому-то из пассажиров необычного железнодорожного состава-призрака. Разве что утром откликнется в памяти тяжелым и отнюдь не веселым похмельем.

Около пяти утра в окна замелькали фонари, стало понятно, что приближается большая станция, вокзал. Свердловск – бывший и будущий Екатеринбург – последнее место пересадки. Высадились на перрон. Узбеки в национальных халатах и тюбетейках в толпе призывников выглядели инородным телом. Их, прижимающихся друг к другу, солдаты жалели – не привыкли к такой погоде южане, возможно, не ожидали, что отправят их сюда, на неизвестный, бесконечно далекий, холодный Урал.

Померзнуть, однако, пришлось всем. Одним – вольно, другим – невольно. Пока курящие пыхтели сигаретами, некурящие, постукивая каблуками один о другой, терпеливо ждали. Закон «один за всех и все за одного» вступал в действие. Наконец перекур закончился и парням разрешили войти в здание вокзала. «Воксал», – улыбнулся сам себе Сергей, вспомнив Достоевского «Идиота». К чему вспомнил, отчего? Так, без всякой связи с происходящим, просто вспомнилось вдруг редкое, неупотребляемое нынче «воксал». Тепло, дом, книжка – нащупал-таки связующую ниточку.

Любовь к чтению Сергею привил отец. Сам окончивший семилетку, родившийся в сложные времена отец всю жизнь крутил баранку, а вот детей своих в учебе всегда поддерживал, поощрял. Как-то летом, во время Сережиных каникул, отец, собираясь в очередную поездку, в рейс, спросил сына, чем он любит заниматься в свободное от учебы время, чем заняты его дни. Играешь с пацанами? Хорошо! На велике кататься – тоже неплохо, купаться – отлично, а еще? А еще... все. «Давай так, дружок, ты идешь в библиотеку, выбираешь самую интересную книгу и, пока я в разъездах, читаешь. Когда вернусь, расскажешь мне, о чем прочитал. Идет?» «М-м-м... – замялся. – Не очень охота, книжки в школе надоели». «А я тебе что-нибудь интересное из рейса привезу». О, это другое дело. По рукам. Не заметил, как втянулся. Одна книжка, другая, потом сразу четыре из библиотеки. Это ж какой огромный, разнообразный мир! И вот теперь Достоевский вспомнился. Мелочь, а на душе тепло.

– Никуда не расходиться, – скомандовал прапор, – через двадцать минут электричка на Тагил.

– А чо такое Тагил? – не до конца протрезвел еще кто-то из парней.

– Что опять за дурные вопросы? Объяснял же уже, или вы не слушаете меня, олухи?! – осадил вопрошавшего прапор, а затем внушительно и торжественно продолжил: – Повторяю

для самых тупых: Нижний Тагил – это славный город, и если кто-то из вас не знает, «чо такое Тагил», то он полнейший кретин. Потому что Тагил – это жемчужина нашей страны, замечательный на весь мир город, словом, вы должны гордиться, что вам выпала честь служить именно в нем.

Замечательных на весь мир не бывает, усмехнулся Сережа, но спорить с «покупателем» не стал. Ему виднее, а то еще в кретины попадешь, не отделаешься.

В пригородном поезде, слава Богу, тепло. Заняв места, благо в столь ранний час вагоны пустые, новоиспеченный взвод моментально погрузился в сон. Прапор не нашел причины тревожить парней, пусть поспят, посмотрят домашние сны, наберутся сил, небось, последний отрезок пути, дальше – только армия...

III

Небо здесь светлело необычно, по-своему, из черного превращалось сразу в серое. Снова вокзал, конечный на этот раз пункт. Пшикнули и с шумом разинули рот автоматические двери вагона: ну, здравствуй, Тагил! Незнакомый, тяжелый, со своеобразным привкусом смог заслонил собой едва просматриваемые сквозь дымку облака. Все здесь другое, непривычное, чужое. Хмурый, с морщинистым небритым лицом дворник, одетый в когда-то желтую, ныне основательно засаленную жилетку, накинутую на выдавшую виды фуфайку, привычными монотонными движениями долбил притоптанный к перрону снег. Он на минуту прервал работу, пропуская плетущихся мимо призывников, проводил их равнодушным взглядом и вернулся к своему зодчеству, выводя острием лопаты рисунок, чем-то напоминающий елочку.

Пока пересчитались и вышли на привокзальную площадь, совсем рассвело. Перепрыгивая большими колесами через трамвайную линию, развернулся и подъехал к крыльцу автобус. За рулем – солдат. Признаков гражданки все меньше. Поехали...

От настроения ли, связанного с начинающейся службой, или от усталости город, представший взорам Сергея и его будущих сослуживцев, показался до отчаяния мрачным. Автобус то и дело подпрыгивал на буграх прикатанного снега, спать было невозможно, да и не хотелось. Водитель не спешил, ехал небыстро, у парней вполне хватило времени рассмотреть не только улицы, ухабистые и грязные, но и угрюмых, тоскливо стоящих на остановках или осторожно семенящих по скользким тротуарам жителей города.

Через оттаявшие ненадолго от включенной печки окна ПАЗика солдаты увидели проходную большого завода, дымящего красно-матовым выхлопом. Прапор сказал, что это огромный, крупнейший в стране металлургический комбинат. НТМК имени Ленина, а кого же еще! Вождь в привычном пальто стоял тут же у проходной – в виде, конечно, памятника с протянутой рукой. Дымил комбинат знатно. И, как узнали новобранцы впоследствии, не только он.

Сергей пытался воскресить в памяти все, что знал об этих краях. Вскоре был вынужден, впрочем, признать, что знал он немного. Почти ничего. Только разве что Урал – промышленный регион. С этим, подумал юноша, и связана такая загазованность, своеобразная визитная карточка города.

Позже он мог убедиться в том, что «замечательному на весь мир городу» и вправду было чем хвалиться. Прапорщик просветил, что в Нижнем Тагиле были сделаны некоторые важные научные открытия, родилось много чудес техники. Здесь, вдали от столиц и университетов, механики-самоучки, отец и сын Черепановы, построили первый в России паровоз. И железную дорогу к нему. Здесь слесарь Артамон Кузнецов изобрел велосипед, а мастер Иван Макаров задолго до Мартена и Бессемера нашел способ плавления стали. Здесь в годы первых пятилеток советской власти ударными, конечно же, темпами начал строиться Уралвагонзавод, на который в сентябре 1941 года столь же ударно был эвакуирован из Харькова танковый завод имени Коминтерна.

Была и еще одна изюминка в Тагиле. Исправительные колонии: № 12 строгого режима и № 13 – общего, № 5 – снова строгого и № 6 – снова общего, колония-поселение № 48, СИЗО № 3, лечебное исправительное учреждение № 51. Если бы каждое такое учреждение изобразить в виде бусины и нанизать их на ниточку, то получились бы неплохие бусы. Колоний и тюрем в Тагиле всегда было много. Освобождающиеся из них люди формировали население, контингент города. Вольные поселенцы занимали рабочие места на фабриках; кто-то возвращался к прежней жизни – грабил, насиловал; кто-то выбирал для себя жизнь альфонса. Все это не могло не отразиться на облике города, не наложить отпечаток на уклад жизни людей, их характеры, убеждения, отношение ко всему, с чем они сталкиваются.

Второй по значению визитной карточкой Тагила можно было смело назвать трубы. Десятки, если не сотни километров теплотрасс паутиными нитями тянулись через весь город: вдоль дорог, изгибаясь, как и положено, на поворотах, по пустырям и паркам, вдоль пешеходных дорожек, где необходимо, в местах, например, въездов во дворы, изображая собой своеобразную арку. Гирлянды труб настолько гармонировали с покосившимися и облезлыми зелеными, кое-где желтыми и даже красными двухэтажками, что не будь их, город, наверное, существенно потерял бы в плане архитектуры.

Где-то в середине пути на Тагилстрой, именно так назвал район прапорщик, призывники увидели огромный парк. Уже не новое, но роскошное здание, надо полагать, Дом культуры, красовалось на пустыре в его глубине. На фасаде висели красные транспаранты, которые нельзя было прочесть – далеко от дороги. За голыми деревьями виднелись какие-то сооружения, по всей видимости, детские площадки. Были они присыпаны снегом настолько, что не оставалось никаких сомнений – с самого лета здесь никого не было. Отсутствие протоптанных дорожек подтверждало догадку, а облезлые стены давно заброшенного забора – сложного, под стать Дому культуры сооружения из камня и металлической кружевной арматуры – предательски обнаруживали, чтобы не сказать, оголяли все то же уныние, которым и без того был пропитан город.

Последней достопримечательностью, мимо которой проехал солдатский автобус, был кинотеатр «Сталь». Стальная крыша с застывшим на ней снегом мелькнула в окошках и исчезла за поворотом, и после него уже ничего более не могло привлечь внимания, потянулись одна за другой одинаковые улицы с покосившимися времянками в два этажа и вездесущими трубами...

Скрип тормозов прервал спонтанную экскурсию. Здесь, на ухабистой тагильской дороге заканчивалась, даже можно сказать, неожиданно обрывалась гражданская жизнь. Редкие частные дома заканчивались, дальше было только неухоженное поле и за ним угрюмый лес. Автобус развернулся на пустыре и, присев на кочке, остановился у облупленного здания с вызывающе торчащей вверх черной трубой.

– Это шо, крематорий? – увидев на заднем дворе кучи угля, снова не удержался Петров.

– Дурень ты, Петров! – прапорщик уже успел запомнить фамилию. – Это баня.

– Ха, пацаны, ща нас всех помогут. Хрюшки будут блестеть, ё-моё, как у кота...

– Отставить разговорчики! Вышли и построились быстро в три шеренги, – Петров так и не успел закончить свою гениальную мысль про кота. – Справа по одному, пошел!

В сыром предбаннике новобранцев ожидали молодой офицер, младший лейтенант, и такого же воинского звания врач со змейкой на петлице. Через открытую дверь в маленькую комнату можно было увидеть еще двух солдат. Каптерщики, так их здесь называли, разговаривали между собой и делали вид, что салаги их не интересуют. Украдкой тем не менее поглядывали на приехавших и наверняка, как и все служивые, задавались вопросом, нет ли среди них случайно земляков.

Прапорщик забежал в помещение последним, закрыл за собой дверь. Его голос, манера говорить и даже осанка неожиданно изменились, голос стал более громким, манера – развязной.

– Та-а-ак, орлы, раздеваемся прямо здесь, бросаем свои шмотки в угол. Ближайшие два года они вам не понадобятся. Затем проходим в баню и хорошо моемся. Так, воин, я сказал все с себя снимать, трусы тоже. Или стесняешься? Ха... Здесь все свои. Гы-ы...

Поглядывая друг на друга, новобранцы начали не спеша снимать с себя одежду, устранив, таким образом, признаки индивидуальности.

Для советского человека, тем более молодого, одежда значит очень много: на нее он не пожалеет никаких денег, терпеливо выстоит любую очередь, будет отчаянно экономить на всем остальном и легко отдаст тройную цену за любой попавшийся дефицит. Фирменные шмотки

важны – они отличают их обладателя от всех других. Если шапка, то хотя бы не из кролика, на крайний случай ондатра, в идеале – норка; если перчатки, то непременно кожаные; если шарф, то, конечно же, мохеровый. Одинаковое мышление, всеобщее равенство на практике сталкивалось с ползучим сопротивлением, выражаемом, в том числе, в манере одеваться, в желании выглядеть по-другому, не как остальные.

И вот теперь здесь, в общей городской, ближайшей к воинской части бане, необходимо было с ней, частицей самого себя, расстаться. За два года отвыкнешь от привычных вещей, не наденешь их снова, все изменится; потеряются, не вернешь, ощущения, кем ты чувствовал себя в этой одежде – тот, бывший, гражданский забудется. Из армии вернется уже кто-то другой, совершенно не тот, кто нехотя стягивает с себя сейчас любимый пуловер. Вместо него в мире появится повзрослевший, прошедший испытания, матерый, может быть, с наметившейся щетиной, а может, даже и с усами, мужчина.

В армию, конечно, не надевают самое лучшее, скорее, наоборот. Каждому ясно, что вещи эти больше не пригодятся. И все же выбрасывается здесь не просто одежда, вместе с ней летит в угол нечто гораздо большее. Частичка индивидуальности...

– Пошевеливайтесь, – торопит прапор, – быстрее раздевайтесь, учитесь, теперь это вам очень пригодится.

Гора шмоток быстро растет в углу. Парни превращаются в безликую, одинаково бледную массу щуплых и костлявых, пухленьких и дряблых, длинных и коротеньких тел, безуспешно пытающихся за пошлыми шутками, тыканьем друг в друга пальцем, громким смехом и прочими необязательно удачными трюками скрыть свои неловкость и смущение.

В предбаннике ожидает парикмахер. Следующий этап чистилища.

– Да никакой он не парикмахер, яшень пень, тупо научился держать машинку в руках, и вот на тебе, уже и мастер, – это снова Петров. Он самый умный и, как всегда, все знает.

Парикмахер недобро зыркает на оратора:

– А ты, воин, специалист-разведчик, да? Иди-ка сюда, я те твой махровый язык подстригу.

Машинка громко, с переборами жужжит и безжалостно выдирает клочки волос – все под ноль. Под тупыми ножами кривящиеся от боли орлы вмиг превращаются в общипанных воров, становятся еще более одинаковыми.

– Гы-ы... Ну у ты и рожа, брателло!

– Да ты на себя смотри, красавец, млин...

– Тебе подойдет кличка Черный квадрат.

– А тебе – Колобок! Я от бабушки ушел. Ха-ха...

В помойном, как называет его прапор, зале температура далеко не банная. Если б не горячая вода, почти кипяток, можно легко замерзнуть. Голыми ногами, быстро, как только можно, по холодному мокрому полу – здравствуй, грибок! – через пространство большого, вовсе не чистого помещения, мимо нелепых, как в морге, лавочек, обложенных дешевой, когда-то белой плиткой, во многих местах давно обломанной, отпавшей, а потому замененной на вовсе не белую – любую; вдоль стен, выложенных таким же невзрачным кафелем, щедро покрытых плесенью, мимо окон, до середины покрашенных белой краской, гостеприимно впускающих сквозняк, мимо всего этого и лучше всего с закрытыми глазами нужно поскорее пройти в парную. Здесь, спасибо тебе, банщик, по-настоящему жарко. Согревшись, парни выходят в зал, брезгливо морщась, мучаясь в догадках, кто перед ними пользовался этими серыми, из непонятного металла сделанными посудинами, берут в руки тазики, набирают воду и, стараясь не прикасаться к лавочкам, обливаются. Мыла нет, мочалок, может, оно и к лучшему, – тоже.

Через какое-то время дверь из предбанника распахивается, в ее просвете возникает знакомая физиономия прапорщика.

– Так, орлы, кончай хлюпаться! – не говорит, рывкает он. – Чего, как девки, намываетеесь? Давай, на выход!

Салаги торопятся, нехотя выходят из скользкого зала, становятся в голопузую очередь. Кальсоны, «где желтое – там перед, где коричневое – зад», одной влажной, плохо постиранной кучей лежат тут же, на лавке. Передние, рассмотрев нижнее белье, удивляются: в ассортименте нет трусов. Как же без трусов, товарищ прапорщик? А так – без трусов, в армии носят кальсоны! Или ты не знал? Не знал, товарищ прапорщик. Здесь только одна пуговица на ширинке, все видно. А ты что, боишься, вывалится что-то? Ха-ха. Не потеряешь, не боись. Видно ему, понимаешь... Теперь до лета о трусах забудь, воин.

Кое-как натянув белье, воины по очереди подходят к каптерщику. Новенькая, ярко-зеленая и непривычно пахнущая форма уже готова, разложена по размерам.

– Голова? – старослужащие демонстрируют свою махровость, повидали службу, не вам, салаги, чета. – Чего глаза выпучил? Размер головы, спрашиваю.

– 56-й.

– 58-й тоже подойдет, – каптерщик с размаху насаживает на голову воина шапку, на два размера больше, чем тому нужно. Голова влетает в нее легко, нигде не задержавшись. Шапка виснет на ушах.

Портянки большинство из призывников видят впервые. С какой стороны к ним подходить, за какие концы брать, не имеет представления никто. Один из трех беседовавших в предбаннике солдат проявляет снисхождение: так, внимание, показываю один раз. Показал. Никто, конечно, ничего не запомнил, но это все же лучше, чем вообще ничего. Пробуют повторить, получается не очень. Ну, да ладно, нога в сапоге, а дальше будь как будет.

Следующее – шинели. Непривычно грубое сукно ложится на плечи. Пока что без погон, выглядит не очень. Не проблема, скоро будет исправлено. И ремни. Твердые, скользкие, ни разу не кожаные, из тупого какого-то несгибаемого материала с тусклой бляхой на конце. Ее предстоит вначале отчистить, а потом надраить. Все, процесс преобразования разношерстной толпы в однотипную зеленую массу закончен.

– Выходи строиться! – голос прапорщика становится все уверенней.

С построением не ладится. Нужно стать в три шеренги, да еще по росту. Новобранцы долго путаются, нервно толкаются, неуклюже суетятся, меняются местами. Наконец, после долгих мучений, кажется, получается.

– Так, воины, теперь, слушай мою команду: «Р-р-разойдись!»

– Шо за идиотизм?! – Петров даже разводит руками от недоумения. – Строились, млин, строились...

Но прапор, похоже, другого мнения, говорит, что воин в первый же день хочет заработать наряд.

– Я те ща такой млин устрою, Петров! Вы должны научиться строиться. Это я вам только здесь, как в детском садике, все объясняю. В часть придем, никто там с вами сюсюкаться не буит. Ясно? Не понял: ясно?

– Да-а-а, – хором тянут призывники.

– Не да, а так точно!

– Так точно!

– Во-о-от, а теперь напра-во! Учимся правильно заправляться. Быстренько все сняли ремни и подтянули их, чтобы было видно, что вы воины, а не размазня.

Прапор идет вдоль строя, проверяет, затягивает каждому ремень – невозможно дышать, и снова командует:

– Равняйсь! Отставить. Равня-а-айсь! Смирно! Нале-во! Прямо, ша-а-агом арш! Р-р-раз, р-раз, раз, два, три...

На ходу нужно постоянно приподнимать рукой шапку, хоть как-то ее закрепить. Лысая скользкая голова предательски не держит новый убор – шапка под каждый шаг сползает на уши, на глаза, мешает смотреть, идти в ногу. Сапоги на ногах болтаются, портянки сбились уже на третьем шаге, понятно, что будут мозоли. Остается надежда на то, что идти недалеко. Шли, однако, минут двадцать.

КПП. Контрольно-пропускной пункт. Дежурный в белом полушубке с красной повязкой на рукаве и такими же красными щеками раскрывает ворота, откровенно рассматривает прибывших, слегка улыбается. Зеленые салаги.

Идти строем никак не получается, прапорщик то и дело кричит позади: в ногу идем! что вы как стадо баранов, подтянулись, в ногу, я сказал, в ногу! р-раз, раз, раз, два, три...

– Через плац к казарме, стой, раз-два! Справа по одному в расположение бегом марш!

Бегом? Зачем бегом? Призывники в недоумении снова оглядываются по сторонам. Прапорщик быстро объясняет, что отныне они будут передвигаться либо строевым шагом, либо бегом. «Итак, повторяю: бегом, марш!»

Так вот он какой, казарменный дух! Смешанные запахи кирзы, обувного крема и почему-то хлорки резко ударяют в нос. На «тумбочке» – дневальный, на стенах – какие-то плакаты, распоряжения, стенгазета, как же без нее...

– Внимание, воины! Быстро снимаем шинели, вешаем их в сушилке и выходим на плац строиться.

– Так мороз же, командир, холодно на улице. Чего без шинелей-то?! – отозвался на команду очередной смельчак.

– А те кто слово давал вообще? И не командир я тебе, а товарищ прапорщик.

– Товарищ прапорщик, а в туалет можно сходить?

– Можно Машку за ляжку. На гражданке. А в армии есть только слово «разрешите», ясно? В туалет здесь ходят по команде, а сейчас я сказал: выходи строиться. Бего-о-ом!

Пронизывающий ветер, казалось, поставил себе целью непременно загнать весь имеющийся в наличии мороз под тонкие гимнастерки. Первым выбежавшим на плац повезло меньше всего – пришлось, не двигаясь, ждать, пока выбегут остальные. Снять шинели в казарме для того, чтобы через весь плац в такой холод идти в столовую, – то еще сумасшествие. Но здесь это никакое не сумасшествие, все логично, небось, не в ресторан собрались, никто вам в столовой гардероб организовывать не будет, никто не намерен ждать, пока вы шинели снимете-наденете. Так что закаляйтесь, резвитесь, не унывайте, привыкнете.

Строились долго. Подносить руки ко рту, хоть немного согреть дыханием тоже нельзя, ушам от колючего ветра спасения искать негде. Потом так же долго отработывали команду войти в столовую. «Справа по одному». Кончится это когда-нибудь?!

В столовой новобранцев встретили сержанты, каждый свое отделение, у своего стола. Серьезные лица, начищенные сапоги, аккуратные, со стоячим воротничком гимнастерки. Привычным движением руки поправляли мягкие настоящие кожаные ремни и ожидали «духов»². Вбежавших с мороза иссиня-лысых солдат рассадили по десять человек на лавках, по пять с каждой стороны. В середине стола возвышался большой, неуклюжий и невзрачный чан, наполненный, как оказалось, непонятной жидкостью. Первое. Рядом в такой же емкости – каша. Второе.

– Раздатчики пищи, встать! Приступить к раздаче пищи.

Раздатчики – это те, кто волею случая оказался за столом посередине, третьим от края. Они должны встать по команде и налить каждому суп, тарелки стоят стопочкой на краю стола, а когда будет покончено с первым, так же поровну разделить кашу.

² Духи (от слова «дух») – так называют молодых солдат, по всей видимости, потому, что они всё должны делать бегом, «летать, как духи».

Время на прием пищи для всех одинаковое, для раздатчиков пищи его остается значительно меньше, пока они раздают порции, другие вовсю лопают. Через короткое время для всех одновременно и всегда неожиданно звучит команда: «Закончить прием пищи. Крайние столов встать, убрать посуду!» Доел – не доел, никого не волнует.

Первый обед в армии – всегда шок, никто из новобранцев не подозревает, что на прием пищи отводится столь мало времени. Правильней сказать, вообще не отводится. Только-только, кажется, раздали суп, только ложки смочили, как вдруг: «Закончить прием пищи!» Многие порции остаются нетронутыми, крайние столов уносят посуду в мойку, на подоконнике образовывается гора тарелок с недоеденной кашей – и все, обед закончен, выходи строиться...

В казарму «духов» вели уже сержанты. Прапор отчитался и пошел в сторону КПП. Домой. Отсыпаться.

Сколько новых слов пришлось выучить за один день, «разрешите» – не в счет. Еще вчера не подозревали новобранцы о наличии понятия «раздатчики», а теперь это чуть ли не жизненно важно. Несколькими минутами позже – еще одно. Подшива – кусочек белой материи, которым подшивается ворот гимнастерки. Только сейчас парни заметили, что у всех сержантов воротнички белые. По сравнению с ними салаги – они же «дүхи» – выглядят как подстреленные вороны: тонкая шея в не по размеру большом вороте зеленой гимнастерки, на котором отсутствует подшива.

Подшиться – это непросто, подшиться – целое искусство. Приложить подшиву к вороту гимнастерки и как-нибудь прихватить все это дело белыми нитками – не пойдет. Можно исколоть себе все пальцы, материя хаки – грубая, а толково пришить подшиву так и не получится.

– Ну ё-моё, чё это за фигня, какой демон это придумал? – бурчали себе под нос молодые солдаты.

– А ты, воин, меньше языком лязгай, целей будешь, и подшиваться быстрее научишься, – явно сдерживает себя сержант, давая понять, что все основные занятия еще впереди. – А ты, фиксатый, чего лыбишься, что там у тебя с погонами?..

Пришить погоны к гимнастерке оказалось еще сложнее. Они тугие и толстые, иголке проще проткнуть палец, чем прошить погоны. Хуже всего, когда ты уже их пришил и получилось неровно. Нужно заново их оторвать и попытаться пришить ровнее. Никаких наперстков, разумеется, нет и быть не может. Благо, пуговицы на кителе металлические, можно пользоваться ими вместо наперстка.

На ужин шли уже подшитыми и с погонами. Худо-бедно, пристроили их на место. Столовая на этот раз была заполнена солдатами. Все подразделения вернулись с работы, «духов» заводили последними, после того, конечно, как изрядно подержали на морозе.

– Справа по одному – марш!

Появление зеленых вызвало необычайное оживление в зале. Старослужащие приветствовали их улыбками и настоятельным советом.

– Ду-у-ухи, вешайтесь! Ха-ха-ха-ха... – слышалось отовсюду.

Последние, в свою очередь, не понимали, отчего им рекомендовалось именно повеситься. Наученные обеденным опытом, они накинудились на еду, ничего не слыша и не видя вокруг. Вскоре прозвучало, на этот раз уже ожидаемое, «закончить прием пищи». Новобранцы, конечно же, не успели этот прием закончить, хоть и глотали, не жуя, спина – буграми. Благо, на этот раз хоть что-то успели в себя втолкнуть. Небось, переварится как-нибудь. Грустным взглядом провожая тарелки с недоеденными порциями, шумно встали. Закончить – значит, закончить. И снова плац, и снова в одних гимнастерках.

«Поверка» стала следующим словом после раздатчиков пищи, «духов» и подшивы, которое в этот день нужно было понять, принять и запомнить. А потом, совсем уже вечером, – взлётка. Так окрестили длинный коридор в казарме, где как минимум дважды в день выстраивается рота. В расположении, так это называется на армейском языке, полагается строиться в

две шеренги. Повзводно. Дежурный по роте встал посредине взлётки лицом к личному составу, взял в руки журнал и начал монотонно читать:

– Младший сержант Стремов?!

– Я! – звучит в ответ с фланга.

Когда воин слышал свою фамилию, ему следовало громко и незамедлительно крикнуть «Я». Солдаты вытянулись в струнку, подняли подбородки, напряженно слушали.

– Рядовой Карпов?!

– Я!

– Рахманбердиев?

– Я!

– Абашидзе?!

– Я!

И так все 115 человек...

После переключки воинам положен отбой. На него отводится 45 секунд. Отбиться – значит, в течение этого времени добежать до кубрика, протиснуться к своей кровати, там раздеться, аккуратно, чтобы у сержанта претензий не было, сложить форму, заправить портянки в сапоги, расправить постель, лечь в нее и укрыться.

Расположение кубриков, тесно заставленных высокими кроватями, двухъярусными, с обязательным табуретом возле каждой, узенькие проходы между ними и не менее узкая, два человека едва расходятся, взлётка совершенно не способствуют достижению поставленной цели. Никого все эти нюансы не интересуют, сержанты рассредоточиваются по кубрикам, каждый возле своего отделения и ждут команды дежурного, который на манер ведущего на боксерском ринге громко с растяжкой кричит: «Внимание, р-рота-а-а! Со-о-орок пять секу-у-унд... Отбой! Пять секунд прошло...»

После короткого, обрезанного «Отбой!» взлётка превращается в кишачий муравейник. Воины срываются с места, сбиваясь в кучу, бегут по узкому коридору. Большинству из них для того, чтобы добежать до своей кровати, нужно покрыть немалое расстояние. Лысые головы мелькают под тусклыми лампами коридора. В узкой двери затор, суетливость нарастает, она мешает, командиры отделений кричат: двадцать пять секунд прошло, тридцать, тридцать пять... Бегущие пытаются раздеться на ходу, кто-то умудряется снять и сапоги. Если это удастся, то портянки начинают болтаться, путаться под ногами, препятствуют движению и мешают другим, сапоги теряются, на поиски их тратятся драгоценные секунды.

Во взорвавшейся кутерьме кто-то обязательно падает, через него перепрыгивают бегущие, кто-то, конечно, неловко на него наступает, каждый спешит в кубрик, а добежав до кровати, не может торжествовать, ибо впереди вторая половина дела – все снятое с себя аккуратно требуется сложить на табурет, заправить портянки, ровненько обмотать вокруг голенищ сапог, и только после этого улечься на скрипучую кровать. Но и после этого расслабляться не стоит – обстоятельство, что кто-то уложился вовремя, вовсе не означает, что успели все. А раз не успели, то процедура повторяется: внимание, рота, подъем! И все сначала много-много раз, до тех пор, пока за 45 секунд не отобьются все.

Наконец, кажется, получилось, успели все, все улеглись. Дежурный проходит по кубрикам, смотрит, ровненько ли стоят табуреты, правильно ли заправлено обмундирование. Нет, неправильно. Обязательно кто-то найдется. Рядовой Удод не успел снять сапоги. Его голени, паренек он довольно тучный, слишком толсты, чтобы отбой стал для него простой процедурой. И вот он скачет на одной ноге у кровати, пытаясь стряхнуть с другой сапог. Сержант подходит к нему и какое-то время тяжелым взглядом смотрит на его старания. Молодой от этого еще больше паникует. Подойдя вплотную, почти в самое ухо взводный кричит:

– Отбой, солдат! Отбо-о-ой!

– Ну, так... с-с-сапоги... это... снять не могу.

– Насрать мне на твои сапоги, – еще громче орет сержант. – Если я сказал отбой, это значит отбой! В кровать, бы-ы-ыстра-а-а!

Воин ложится поверх грубошерстного синего одеяла с тремя черными полосками. Ложится, как есть, в сапогах.

– Отбой, товарищ солдат, это значит, лечь в кровать и укрыться одеялом, – расплывшись вдруг в довольной улыбке, переходит на вежливый тон сержант. – А то еще простынете, Родине вас лечи потом, – и дальше снова на «ты»: – Че зеньки-то выпучил, Удод? Расправляй постель, говорю!

Дрожащими руками воин стягивает одеяло, ложится под белую простынь, но сапоги укрывать не спешит, двумя толстыми колбасками свешивает ноги сбоку кровати.

– Укрывайся полностью, солдат, ножки застудишь, – не ценит его благоразумия сержант.

Рядовой Удод смотрит на командира обезумевшими глазами. На фоне полнейшей тишины тот дышит ровно и громко.

– Мне повторить? Или, может, помочь тебе, кабан ты толстый?

Солдат, наконец, подчиняется – начищенные вязким кремом сапоги скрываются под белой простыней.

– Слушай мою команду: напра-во! Я тебе, тебе говорю, пузырь, поворачивайся набок – напра-во, блин, раз-два, – рядовой Удод подчиняется, грузно, качая кровать, поворачивается набок. – А теперь на месте шагом марш!..

Лежа на боку, воин начинает маршировать. В постели. Обе его простыни сбиваются в ногах, мажутся сапожным кремом, превращаются в черно-белое месиво.

– Стой, раз-два! – наконец, проявляет жалость сержант.

Милосердие сержанта касается, впрочем, только неповоротливого солдата. Вернее, его кровати. Остальным полагается новая порция занятий.

– Так, воины, плохо, – объявляет сержант. – Очень плохо! Не успеваем. Товарищ Удод сапоги не научился снимать. Нужно ему помочь, будем тренироваться, времени у нас до утра много, – и, резко повысив голос, кричит: – Внимание, рота, сорок пять секунд, подъем! Построение в расположении. Пять секунд прошло...

Вновь отчаянно скрипят кровати, качаются под грузом прыгающих, летящих со второго яруса тел. Чертыхание, переполох, крики командиров взводов, нагнетающие панику: «Первый взвод, пять секунд осталось!», «Второй взвод, поторапливаемся!..»

Репетиция отбой-подъема продолжается, кажется, до бесконечности. И все же, когда звучит долгожданное: «Все, тишина! Всем приказано спать...» – в казарме наступает покой, который уже через секунду переходит в стойкий храп. Спустя несколько молнией пролетевших часов уснувшие «духи» впервые в жизни услышат вопль дневального:

– Р-рота, падье-о-ом-м-м!

Этот крик означает, что солдаты будут делать то же самое, что делали вечером на отбое, только наоборот. У них есть все те же 45 секунд на то, чтобы одеться и встать в строй на взлётке. Если рота не успела, тренировка продолжается долго, времени в карантине много, торопиться некуда.

После отработки подъема вспотевших солдат выводят на плац. Так начинается первый день службы. В армии без зарядки никак, зарядка каждый день, зарядка – святое. Ради первого дня службы зарядку решили заменить простым бегом. Выстроили роту в виде круга, сами стали в середину. «Рота, бегом марш!» – скомандовали. Получившийся как на арене цирка круг двинулся с места, людям в середине не хватает только бичей в руках.

В утренней темноте застучали по асфальту сапоги, заухал в морозном воздухе отдающий в окнах топот. На часах 05:20, еще темно, в это время года светает не раньше половины девятого. Город еще спит, благо, плац окружен казармами, гражданских зарядка не тревожит.

Курильщики начали сдаваться первыми. Уже на третьем круге закашлялись, задышали, попытались сбавить ход. Строй сбился, созданный из солдатских тел обруч разорвался. «Скорость не сбавлять! Подтянулись там, эй! Не отстаем, не отстаем, а то до вечера бегать будем...» Чем не ободрение! Бегали до мокрых от пота гимнастеров, до колик в животе, до кашля и полного бессилия. Худшему из всех мучений содействовали неумело намотанные портянки.

Рядовой Удод снова отстал.

– Удод, бежать! Бежать, кому я сказал, – раздалось из середины круга.

Солдат, схватившись за бок, стоял в сторонке и ловил ртом воздух. Пар, хорошо видный под светом прожекторов, валил от нагретой бегом спины. «Не могу больше», – едва слышно мямлил Удод. Не увидев реакции на свой крик, сержант сорвался с места и, подбежав к новобранцу, с силой толкнул его рукой в спину, бежать, сказал, бежать. Затем еще толкнул, еще... в ход пошли ноги, пинком под зад, бежать! Парень сделал несколько шагов и упал, оказалось, у него врожденный порок сердца. Поэтому не в строевых, поэтому в стройбате. Но здесь это мало кого волнует...

В казарму вернулись с опозданием.

– Внимание, воины, у вас 15 минут на заправку кроватей и умывание. Время пошло!..

Ледяная вода в кране умывальника, очередь в туалет и ругань мешающих друг другу в кубриках солдат – все смешалось в одну картинку, которой не было ни разумного объяснения, ни, казалось, конца. Первая драка, разбитые носы и ссадины: «Потом поговорим!» На завтрак, само собой, опоздали. Ничего, быстрее поедят, все равно еще домашними пирожками пахнут (в армии, конечно, другое слово употребляют).

Одно дело сказать: «тяжело в учении», и совсем другое – испытать это на себе. Армия умеет обучать живо и эффективно, слабых и ленивых выявляет быстро, к жлобству, стукачеству, нытью прививает стойкую антипатию, чтобы не сказать, агрессию. Неряшливость не в почете. Поэтому с самого начала нужно постараться не потерять лицо, показать, что сможешь, доказать, что мужик, и держаться. Из всех сил, во что бы то ни стало, держаться. Иначе зачмолят.

Исполнительность нельзя путать с желанием прогнуться, дисциплинированность – с отсутствием воли. Все в этом требовательном обществе на своем месте, все взвешенно, без закидонов и перекосов. Тому, кто с самого начала этого не понял, уготована судьба чмошника. До конца службы. Обратной дороги из этой ниши нет, все нужно сделать с первой попытки, второй не будет, это тебе не отбой-подъем...

Обучение в карантине Сергею давалось легко. Воспитание, полученное в большой семье, даром не прошло. В армии любимая поговорка: «В большой семье клювом не шелкают». (Вместо клюва там, разумеется, опять другое слово.)

С малых лет братья приучали Сергея следить за чистотой в комнате, в тумбочке, содержать в порядке постель, стирать и утюжить личные вещи и один раз в неделю делать генеральную уборку во всем доме. А еще ежедневная, на протяжении всей зимы, помощь родителям в заготовливании дров и угля. Привычка – дело большое.

От практики не должна отставать и теория. Знание несения воинской службы нужно освоить быстро, обязанности солдата перед построением и в строю, обязанности дневального, текст воинской присяги следует выучить наизусть.

Серее все это давалось без особого труда. Дисциплина для него была делом привычным. Однажды он проявил даже чрезмерную исполнительность. В Уставе сказано: если воины находятся в помещении и в это время входит кто-нибудь из старших, то первый солдат, который увидит вошедшего, должен громко подать команду: «Смирно!» По команде все должны вскочить и стоять до тех пор, пока вошедший не скажет: «Вольно!»

Выучили. Там же, в ленинской комнате, закрепили материал тренировкой. Все хорошо, все отлично! Объявили перерыв. Естественно, молодежь использовала его для того, чтобы схо-

дить по нужде. В туалете образовалась очередь: кабинок всего четыре, а человек в роте – сто. И вот в туалет, переполненный солдатами, вошел... сержант. Сергей, стоящий в очереди ближе всех к дверям, решил, что сержант специально пришел проверить, насколько молодые усвоили урок.

– Сми-и-ирна-а-а! – что было сил заорал он.

Воины, пристроившиеся к писсуарам, справились с выполнением команды быстро – вытянули руки по швам, тем же, кто присел в кабинках, повезло меньше. Выпучив глаза, они повскакивали с мест и, сжимая в руках заветные кусочки газет, всем своим видом выражали протест против такой несурзаицы в армейском Уставе.

– Во-о-ольно! – закричал, рассмеявшись, сержант, повернулся к Сергею и отвесил ему подзатыльник. – Балбес! В туалете и в бане команда «Смирно!» не подается. Запомни! Хотя за то, что хорошо усвоил урок, хвалю. Быть тебе сержантом!

Сержантом стать ему не суждено. Сергей об этом прекрасно знал. Вместе с Вовчиком он все время думал о том, как, при каком удобном случае сказать командиру роты, что принимать присягу и брать в руки оружие они не будут.

Как и к кому подойти? С чего начать? Где найти повод? В какое время это сделать лучше? Нервы как струна, мозг ищет подсказку, днем и ночью напряжение, ожидание подходящего момента, вот сейчас, сейчас командир закончит говорить, я встану и громко скажу: «Товарищ капитан, разрешите обратиться, присягу принимать не буду». Легко спланировать, а вот сделать!.. Но время идет, а ты все не можешь подобрать момент. Да и нет, в принципе, таких моментов, солдаты всегда заняты: зубрят устав, занимаются строевой подготовкой, ходят в наряд, а у тебя в голове мысли: как? когда? где?..

Вовчик все же опередил. Как-то после обеда Сергей вернулся в ленинскую комнату, в ней, как всегда, проходили занятия, и обратил внимание, что приятеля на месте нет. Отмахнулся, мало ли чего, может, задержался где. Но минут через десять в комнату влетел раскрасневшийся замполит и закричал: «Есть здесь еще верующие?!»

Тишина. Новобранцы смотрели на офицера, не понимая, о чем речь и удивляясь его нескрываемой панике. Тишину нарушил спокойный голос Сергея.

– Да, есть! – парень поднялся со своего места и назвал фамилию.

– Пошли со мной. Быстро!

Пройдя мимо парт и удивленных взглядов сослуживцев, солдат вышел из комнаты и последовал за почти бегущим перед ним офицером. Тот с силой толкнул двери казармы, они шумно брякнули, отскочили назад навстречу Сергею, он остановил их рукой, тоже ткнул, выбежал на улицу, трусцой, не отставать, быстрее давай, пересек плац. Вошли в штаб. Дежурный на телефонном коммутаторе отдал честь лейтенанту, тот, едва махнув рукой, пробежал мимо, не до этого сейчас. В коридоре идеально чисто, ковровые дорожки на полу. Тишина.

На втором этаже офицер остановился, попытался успокоиться, выровнять дыхание. Выражение лица, осанка его мгновенно поменялись, приняли едва уловимый раболопный вид. Массивная дверь, обитая дерматином с заклепками, пугает, уф... Лейтенант будто вину за собой чувствует. Может, и есть тому основания – шутка ли, в течение получаса в роте второй отказник подряд.

Замполит еще раз поправил шапку, вытянулся и осторожно постучал в дверь. «Разрешите, та-а-рищ майор?!»

Майор, по всей видимости, разрешил, поскольку лейтенант повернулся к Сергею и, подтолкнув его в спину, полушепотом выдохнул: «Давай!»

Сергей вошел в огромных размеров кабинет. Задернутые на окнах плотные шторы обеспечивали полумрак. В глубине Т-образный стол, по всему периметру вдоль стен – стулья. Почти все они заняты людьми в форме. Званий и армейских чинов Сергей еще не различал, и потому все эти люди показались ему более или менее одинаковыми. Тучный, с двумя под-

бородками и тяжелой одышкой майор (позже парни узнали, что это и есть комбат) сидел за столом, поджав руки под грудь. Посредине комнаты, в самом центре периметра из стульев, дрожал бледный Вовчик.

Без команды, интуитивно уловив, чего от него ожидают, Сергей прошел на середину комнаты и встал возле Вовчика. Майор за столом долго, будто изучая, смотрел на Сергея в упор и молчал. Не решались нарушать тишину и остальные присутствующие. Вытянув спины, ровно сидели они, ожидая слов начальника.

– Товарищ солдат, – медленно произнес, наконец, тучный, – вы, как я понимаю, тоже не желаете принимать присягу?

Слова он выговаривал тихо, наслаждался, будто слушал себя со стороны, и вообще всем видом давал понять: все, что он произносит, каждое его слово, имеет особую ценность.

– Да, принимать присягу я не буду! – как можно уверенней попытался ответить Сергей.

– И вы утверждаете, что верите в Бога, поэтому отказываетесь служить Родине?

– Служить я не отказываюсь, – тщетно успокаивал трясущиеся руки Сергей, – но присягу принимать мне не позволяют убеждения.

– Хм... убеждения? И какие же они у вас, эти убеждения?

– Я не могу давать клятву. В Библии так написано. Не клянись: ни небом, потому что оно престол Божий, ни землею, потому что она подножие ног Его.

– Это же чистой воды ригоризм, – лениво, по-прежнему любуясь собой, возразил майор.

– К сожалению, не знаю, что это такое, но верю Библии... – начал было Сергей.

– Ну, вырви тогда себе глаз, – прервал его, повысив голос, комбат, – или руку отруби. Так, кажется, в ней написано!

Майор резко отодвинул рукой карандаш и кивнул какому-то офицеру, сидящему справа. Получив знак, тот вежливо спросил:

– И где же, в каком месте в Библии, – на это слово он особенно надавил, как бы перердывая Сергея, – написано, что клясться нельзя, товарищ солдат?

– В пятой главе Евангелия от Матфея.

– А еще вы что-нибудь помните из Библии или только это заучили? – не отставал офицер справа.

– Помню. Могу рассказать, если хотите, 1-й, 22-й, 90-й, 138-й Псалмы наизусть. А также 12-ю главу Послания к Римлянам, Послание Апостола Иакова полностью, ну и многие другие места. Их немало.

– Известно ли вам, товарищ солдат, раз вы уж такие познания Библии нам тут демонстрируете, что она призывает не противиться высшим властям, ведь нет власти не от Бога, не так ли? – продолжил военный.

– Да, – спокойно, обретя вдруг уверенность, ответил Сергей, – мне это известно. Но в тех случаях, когда требования властей противоречат Божьим законам, выбор должно делать в пользу Творца. В подобных ситуациях Апостолы не проявляли сомнений: справедливо ли пред Богом слушать людей более, нежели Бога, говорили они.

Офицеры помолчали, затем, будто не замечая присутствия двух рядовых, слегка приглушенными голосами начали обсуждать положение отказников. Да, вот этот, второй больше похож на верующего, а первому я лично не верю, по-моему, он просто косит под сектанта... Согласен, второй похож больше, но и с этим вопрос не закрыт.

Начальник, выслушав мнения подчиненных, снова обратился к Сергею.

– Хорошо, будем считать, что вы имеете отношение к вере в Бога. А вот вы, – он показал карандашом на Вовчика, – выглядите неубедительно. Скорее всего, нахватались верхушек и желаете уйти от ответственности или вообще, может быть, надеетесь, что вас комиссуют.

Вовчик задрожал еще больше. Он смотрел на Сергея полными ужаса глазами – как же так, они мне не верят. Казалось, что он вот-вот рухнет на пол.

– Разрешите обратиться? – блеснул свежими знаниями Устава Сергей.

– Слушаю вас, – по-прежнему, не напрягая голоса, ответил майор.

– Дело в том, что я много лет хорошо знаком с Владимиром. Можно сказать, мы выросли вместе. И, хоть посещали разные церкви, регулярно общались. Так вот, если вы верите мне, то я с полной ответственностью заявляю, что он не верхушек нахватался, как вы говорите, а верит в Бога глубоко и серьезно. Он с детства посещает церковь. То, что он не может ответить на ваши вопросы, связано только с тем, что он чрезвычайно застенчивый человек, всегда был таким, а в данной непростой ситуации тем более растерялся.

– Во, выдал! – не удержался, как выяснилось позже, представитель политотдела. – Да тебе, парень, комсомольским агитатором быть нужно, а не лоб в сектантских молитвах разбивать.

Сергей и сам не ожидал от себя столь дерзновенной речи. На похвалу лишь улыбнулся.

– Ладно, идите, мы еще подумаем, что с вами делать, – майор небрежно махнул рукой. – Все свободны...

IV

По пути в казарму Сереже с Вовчиком встретился офицер, за пять-шесть шагов на строевой шаг, как учили, отдать честь. Стоп, тихо произнес старлей. Остановились. Из какой роты? Из карантина? Великолепно! Вот ты, указал пальцем на Вовчика, пройдем со мной, там кое-что у меня заберешь нужное, вашему старшине отнесешь. Дальше Сережа пошел один.

Дверь в роту, открываясь, натянула пружину. Дневальный. У него за спиной – холл. В самом центре довольно большого помещения Сергей увидел щеголеватого капитана. Он восседал на стуле, нога на ногу, начищенные до блеска сапоги в обтяжку, сидел и смотрел телевизор. Недалеко от него второй дневальный мыл пол. Сережа мог пройти мимо, но не смог, застыл в оцепенении, слишком уж нелепая картинка предстала его взору: командир роты – его должность выяснилась тут же – щелкал семечки и выплевывал шелуху прямо на пол, практически под руки возившему мокрой тряпкой дневальному.

– Чего уставился, воин? – отвлекся от экрана капитан. Зло посмотрел на оцепеневшего Сережу и спросил: – Фамилия?

– Моя? – не сразу включился молодой.

– Ну не моя же! Ты еще и вопросы задавать будешь! Один наряд вне очереди. За тупость. Понял?

– Да.

– Что значит «да»?

Офицер подскочил со стула, стремительно подошел к Сергею и, выплевывая остатки семечек ему в лицо, что есть силы заорал:

– Есть один наряд вне очереди! Надо говорить: «есть», ублюдок. Слышишь?

– Слышу.

– Тогда повтори, овца тупая!

– Есть один наряд вне очереди, – спокойно повторил Сережа.

– Вот так! В следующий раз будешь сообразительней.

На крик выскочил из каптерки прапорщик:

– Товарищ капитан, это из новоприбывших, они еще в карантине.

– Какая мне разница, в карантине они или в заднице? – переключился на старшину командир роты и, видимо, довольный своим остроумием, продолжил: – Пусть готовится к наряду и сегодня же заступает. Чего стал? – уже снова Сергею. – Иди, готовься.

Подготовка к наряду начиналась с повторения обязанностей дневального по роте и последующей за ней строевой подготовки. Надели шинели, вышли на плац, походили строевым по нарисованному квадрату. Затем повторение теории.

– Если кто-то посторонний заходит в роту, что будешь кричать? – спросил сержант.

– Дежурный по роте, на выход!

– Правильно! А если это будет командир роты?

– Надо скомандовать: «Рота, смирно!» и добавить: «Дежурный по роте, на выход!»

– А потом?

– А потом ждать, когда придет дежурный по роте.

– А если он занят, не идет, не услышал?

– Тогда сделать шаг вперед и отрапортовать: «Товарищ капитан, за время вашего отсутствия в роте происшествий не случилось. Дневальный по роте – рядовой такой-то...»

– Ну что ж, неплохо, – дневальных было двое. – Надеюсь, не облажаетесь.

Облажались. Причем почти сразу. В расположение роты вошел, как назло, начальник штаба. Ему полагалась команда: «Рота, смирно!» Но новобранцы просто не могли знать его в

лицо, поэтому дневальный, напарник Сергея, дал неверную команду: «Дежурный по роте, на выход!»

– Это что за команда? – тихо, с расстановкой каждого слога спросил майор Агоян.

В это время в конце взлётки появился дежурный. Он в момент оценил обстановку, выкрикнул во всю глотку «Рота, смирно!» и, на бегу поправляя шапку, бросился к офицеру:

– Товарищ майор, за время вашего отсутствия в роте происшествий не случилось. Дежурный по роте – сержант...

– Ты что же это, товарищ сержант, дневальных не обучил?

– Обучил, товарищ майор, они вас просто в лицо не знают, новенькие, карантин.

– Карантин? Хм... Ну что ж, пусть учатся. Завтра без отдыха заступайте в наряд заново. Всем составом.

– Есть, товарищ майор.

Время, и без того медленно текущее, в наряде тянулось до бесконечности медленно, иногда, особенно под утро, казалось, что оно вообще остановилось. Стоять на «тумбочке» – то еще удовольствие. Ноги затекают быстро, к сапогам они не привыкли, портянки то и дело сбиваются, влажнеют от пота. Свободный, который не на вахте, дневальный должен следить за порядком, то есть постоянно делать уборку: драить полы, чистить туалеты, мыть раковины, протирать зеркала.

Сергей начал с порядка в ленинской комнате. Перевернул стулья на столы, подмел, вытер пыль на подоконниках, все сделал так, как учили дома, тщательно вымыл пол. Сержант ждал результатов, отсыпаясь на куче бушлатов в каптерке: как будешь готов, сказал он, доложишь, я проверю.

– Товарищ сержант, – потревожил его дневальный, – я кончил.

– В армии говорят «за-кончил», воин, – отчетливо разделяя слоги, поправил его старослужащий.

Разницы Сергей не уловил, но все же исправился:

– Я закончил, товарищ сержант.

– Хорошо, пойдем посмотрим, как у тебя получилось.

Вошли в ленинскую комнату. Сержант деловито осмотрел помещение, особое внимание обратил на плинтусы, углы. «Ничего не найдешь, – подумал Сергей. – Уж что-что, а пол мыть я научен». Теперь вот пригодилось. Радоваться пришлось недолго. Дежурный по роте подошел к портрету Владимира Ильича, отодвинул низ картины от стены. Из-под рамки посыпался мусор, пыль, обрывки бумаги и даже окурки. «Ну как же так? Почему я не посмотрел?» – отчаялся было Сергей, но это было только начало. Сержант подошел к столу-парте, стал выметать из ниши под крышкой мусор – какие-то бумажки, хлебные крошки, обрывки ниток, прочую дрянь. И все это на идеально вымытый пол. Продолжить начатое было доверено Сереже. Когда процедура была закончена, комната выглядела так, будто в ней никто не убирал.

– Ну что, солдат, попробуй еще раз. Ночь длинная, торопиться тебе некуда. Как закончишь, меня не буди, убирай на взлётке, в кубриках и туалете. Если придет дежурный по части, кричи громче. Ясно?

– Ясно.

– Не понял?

– Так точно!

– Вот так! Вперед! И без косяков на этот раз...

– А поспать разве не удастся? Нам же завтра снова в наряд!

– Поспать разрешается образцовым дневальным, а вы – косячные, вам не положено. Давай, работай.

Сергей снова взялся за тряпку. К середине ночи с уборкой было покончено, но поспать так и не удалось. Странно, когда не дежуришь в роте, то ночь пролетает мгновенно, в наряде же она тянется бесконечно.

Утром жизнь закипела с новой силой. Дневальным представилась возможность посмотреть со стороны, что происходит в казарме, когда звучит команда: «Рота, подъем!» Веселое зрелище!

За двое суток подряд в наряде вполне можно сойти с ума. Осмыслил это Сергей на вторые сутки, когда глаза от бессонницы покраснели и стали гноиться. Жутко хотелось спать. Хоть стоя, хоть даже и на ходу.

Не миновать бы ему и третьего наряда, если бы кто увидел, как наутро, после сдачи второго подряд дежурства, он уснул в строю. Отключился на утреннем разводе, стоя в средней шеренге взвода. И двадцатиградусный мороз нипочем. Лишь громкая команда офицера пробудила. Или в плечо кто толкнул. Неважно. Кажется, и присниться что-то успело. Тем более не хотелось возвращаться в реальность. Деваться, однако, некуда. Впереди целый день и потом, наконец, долгожданная ночь. Выспится.

Не выспался. Дежурный по части капитан, лишь только рота уснула, нарисовался в расположении и велел дневальному разбудить Сергея: давай поднимай баптиста и ко мне в канцелярию.

– Извини, солдат, что спать не даю, – начал душевную беседу офицер, как только молодой солдат вошел к нему в кабинет. – Очень хотелось поговорить с тобой. Днем времени нет, сам понимаешь, а сейчас вот дежурство, все равно спать нельзя, а ты напишись еще – у тебя ж вся жизнь впереди. Так ведь?

Сонный Сергей таращил на дежурного красные глаза, в которых читался немой вопрос: доколе?! Офицер неспешно закурил сигарету, торопиться ему было некуда, а вот скоротать вынужденное, нудное бодрствование очень хотелось.

– Да ты не злись, солдат, тебе еще много бесед предстоит. Хочу попробовать тебя перевоспитать, а ночью, не выспавшись, ты податливей будешь, так ведь?

Офицер хоть и переспрашивал постоянно: «Так ведь?», – было понятно, что мнение собеседника его интересует меньше всего. Привычка, присказка.

– Мне по уставу разве не положен сон? – решил, наконец, снагнеть Сергей.

– Тебе, воин, по уставу вообще ничего не положено, – придав лицу официальное выражение, парировал дежурный по части. – Вы, духи, вообще здесь никто, понимаешь? Присягу не приняли, так что и не солдаты вообще. Но и не гражданские уже. Зависли в воздухе, короче. Вы – нелюди! Заставить вас чё-нить делать мы не можем. Но и деться вы никуда не денетесь. Забор вокруг. Мы вас надежно охраняем. Так ведь? Поэтому будете делать все, что вам скажут. Кстати, ты правда в Бога веришь или так, косишь под дурачка, служить не хочешь?

– Я уже все объяснил начальству и, более того, привел, по-моему, достаточно аргументов. Капитан встрепенулся:

– Ух ты, смотри, какой умный! Ути-пути, – улыбнулся. – Не, ну Бога-то не видел никто. Чего в Него верить-то?

– Хотите, я вам притчу по этому поводу расскажу?

– Валяй!

– Попал как-то карась, ну, это рыба, в смысле, такая...

– Эй-эй, ты не увлекайся-то, умник! Приколыщик хренов, знаю я, кто такой карась. Баклань дальше.

– Так вот, попал карась как-то на берег. То ли волной выбросило, то ли поймал кто, да потом выбросил. Не знаю. Словом, подергался, подрыгался на берегу карась и удалось ему с большим трудом в воду вернуться. Чуть было не задохнулся. Собрались рыбы вокруг. Им,

понятное дело, интересно, что он там, в другом мире, видел. Спрашивают карася, как там, типа, да что. А он и отвечает: там жизни нет!..

– Ну-ну, воин, ну-ну... – смотря на свою сигарету, будто увидел ее в первый раз, прошипел капитан. И добавил после затяжки: – Вот не поспишь пару неделек, послушаю я тебя тогда. И про карася, и про Бога твоего. Расскажешь.

– Я знал, на что шел. Будьте уверены, приготовился к худшему.

– Идеальный, однако! Вообще, хочу сказать, что я для тебя не враг. Даже можно сказать, сочувствующий. У меня мама баптисткой была, так что я вашего брата знаю. Слушай меня и обращайся, если что, советуйся, и все у тебя нормалёк будет.

– Спасибо, конечно, а теперь можно я пойду спать? Два наряда подряд отстоял, с ног валюсь...

Сергей посмотрел офицеру в глаза, надеясь найти в них хоть какое-то сострадание, но, обжегшись о его леденящий взгляд, понял, что это чувство ему неведомо. Вместо сочувствия новобранец услышал в свой адрес тираду матерных слов, а потом еще часа два отвечал на вопросы о мироздании, Троице и вере в невидимое. Наконец, к середине ночи дежурный по части решил, что ему нужно пройти по казармам, проверить посты.

– Ладно, воин, пожалею тебя, иди спать. Но беседа тебе, вижу, понравилась. Так ведь?

– Очень! – от бессилия окончательно потеряв чувство страха, съязвил Сергей.

– Дерзи-и-ишь!.. – осклабилась дежурный. – Чувствуется, гражданку из тебя не вышибли еще. Но ничего, мы тебе крылышки-то подрежем. Так ведь? И да, насчет присяги... Все же хорошенько подумай. Скажу тебе по секрету, что пока ваш призыв присягу не примет, спать тебе не дадут. Начальству на фиг не нужны ваши баптистские прибабасы, им показатели блюсти надо. Ломать будут, учти. Да и после присяги никто расслабиться не даст. Так что, думай. Чапай...

Сергей не помнил, как доковылял до кровати. Кажется, прошла секунда, как он лег спать, а со стороны «тумбочки» уже снова неслось: «Рота, подъем!»

После зарядки солдат подошел к зеркалу и не узнал себя. Глаза красные, сосуды полопались, веки загноились. Кажется, поднялась температура. Он умылся, затем подошел к взводному и пожаловался на проблему.

«Если до вечера не пройдет, сходишь в санчасть», – не глядя на Сергея, поставил диагноз сержант. Вечером к врачу попасть не удалось. Карантинщиков отправили на овощную базу, перебирать перемерзшую свеклу. Вернулись поздно, далеко после отбоя. Сергей не забыл наставлений капитана о том, что спать ему не будут давать вплоть до присяги... Тем не менее в этот раз никто солдата не потревожил. То ли дежурный решил проявить милосердие, то ли просто поленился. Впервые за неделю Сергей проспал всю ночь до подъема.

Вовчик держался молодцом. После первой беседы у комбата, на которой он прошел боевое крещение, парень окреп. И хотя по-прежнему паниковал, когда терял Сергея из поля зрения, все же самостоятельности у него прибавилось.

Их все еще регулярно вызывали в штаб. Вместе и по отдельности. Пытались вразумить.

– Вы знаете, что вам пять лет светит? – спросил Сергея на очередной встрече замполит.

– Нет, этого я не знаю, – честно признался новобранец.

– Так вот, знайте, товарищ солдат, – и заговорщическим тоном продолжил: – Вместо того чтобы вернуться через два года на гражданку, вы можете увидеть ее лет так через пять. В лучшем случае. А вам сейчас 18. Вернетесь с подорванным здоровьем, без коренных зубов, отбитой печенью, геморроем и язвой желудка. К тому же будет вам уже двадцать три. Задумывались когда-нибудь об этом? Нет? Ну так думайте, соображайте, время до присяги еще пока есть...

V

На присягу пожаловали полковники откуда-то сверху. Черные «Волги» провезли их через зеленые железные ворота с красными, прихваченными сваркой, звездами, чинно развернулись на плацу и, распахнув натертые до блеска двери, выпустили у крыльца штаба. Замелькали папахи, забежали, засуетились местные офицеры. Прапорщикам доверено было привести призывников в нужный вид и приготовить все необходимое для принесения клятвы.

«Духов» нарядили в парадную форму, заставили начистить сапоги, проверили бляхи, подергали за пуговицы. После этого выдали белые перчатки, к ним – автоматы. С пустыми, разумеется, магазинами. Шинели не понадобились – мороз не позволил совершать действие на плацу. Завели всех в самое просторное, имеющееся в наличии, но, судя по всему, весьма редко используемое, а потому весьма пыльное помещение, построили, накрыли пыльный стол красной скатертью, в центре поставили графин с водой, рядом с ним граненый стакан и коричневую почему-то папку с вложенным в нее листком, текстом присяги. Успокоились, замерли.

Сергея определили в конец строя, во вторую шеренгу. Чтобы не бросался в глаза начальству – он без автомата. День, о котором он столько думал, в отношении которого сомневался, переживал, день, который, собственно, и отличает его от всех стоявших с ним в строю солдат, который по причине происходившего здесь действия и неучастия в нем Сергея становился особенным, ключевым, водораздельным для него, – день этот настал. Как теперь все пройдет, чем закончится, как отреагирует приехавшее руководство на двух солдат без автоматов, ничего этого Сергей не знал и знать не мог.

– Возьми автомат! – прошипел ему прямо в ухо подкравшийся неизвестно откуда замполит. Непосредственная близость обнаружила неприятный запах изо рта майора. «Или зубы больные, или с желудком проблемы», – подумал Сережа, – неважно, офицер был крайне неприятен ему. Кроме всего прочего, форма давно, по всей видимости, не чищенная источала смесь запахов пота и дешевого табака. Засаленный зеленый галстук ослабшей резинкой не мог подтянуть себя до ворота рубахи и провис, оголяя ее верхнюю пуговицу, погоны; густо посыпанные перхотью и надломленные в середине; портупоя, перетягивающая талию и превращающая китель в некое подобие юбки – все свидетельствовало о неаккуратности человека.

– Возьми в руки автомат, я сказал, – снова выдохнул Сергею в затылок офицер.

– Мне кажется, мы с вами этот вопрос уже обсудили, товарищ майор, – тихо ответил солдат.

– Ну тогда автомат возьму я.

– Берите! – не понял намека воин.

– Пристрелю тебя, как собаку, – прошипел и добавил: – Паршивую.

Сергей пожал плечами. Его удивляло спокойствие, с которым он относился теперь к угрозам. Понимал, что страшилки замполита не более чем блеф, хотя тот, возможно, основываясь на каком-то своем раннем опыте, и не сомневался в их эффективности. Куда более реальными представлялись Сергею другие обещания начальства: подыскать подходящую статью и отправить к экам в бараки, сгноить в нарядах, поощрить старослужащих вправить мозги... Все эти меры могли бы действительно волновать парня. Но странное дело, так долго ожидая этого дня, Сергей при его наступлении обрел абсолютный почти покой. Ожидание оказалось гораздо более мучительным.

Так, вспомнил он, было когда-то с первым посещением зубного врача. Мальчику тогда должны были удалить зуб. Сколько переживаний было! Сереже снился огромных размеров дядя в белом халате, страшными, жуткими какими-то щипцами тянущий из его окровавленных десен зуб. Тот не поддавался, дядька нервничал, настаивал, а Сережа беззвучно, как это всегда бывает во сне, кричал. Он еще и в очереди трясся от страха, но как только прошел в кабинет и

уселся в кресло, страх прошел. Обратного пути нет, убеждал себя мальчонка, нужно вытерпеть, что бы ни делал доктор... Молочный зуб тетя, а вовсе не дядя, удалила быстро и почти без боли...

В зал вошли, наконец, высокие чины. Равняйся, смирно, короткое, по-военному слово-обращение к солдатам, после которого они один за другим стали выходить вперед к столу читать присягу: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь... быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином... Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей советской Родине и советскому правительству... Я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами. Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение товарищей».

Процедура закончилась неожиданно быстро. Дольше, кажется, готовились. Полковник из политотдела снова коротко, по-военному поздравил молодых с принятием присяги, офицеров – с пополнением личного состава. Тех, к кому приехали родители, отпустили в увольнение, другим разрешили поспрашивать в расположении роты. Кафе в углу плаца тоже было открыто, но молодые туда пойти не решились. А после обеда распорядок и вовсе вернулся к обычному расписанию. Начались будни военных строителей...

Первое письмо из дома пришло в канун Рождества. Конечно, от мамы, Сережа сразу узнал почерк на конверте. Пальцы задрожали, перестали слушаться, ладони вспотели. Кое-как все же открыл: «Здравствуй, сынок! Мой ты солдатик...» Защищало в глазах, будто голос ее услышал, подкатил к горлу ком. «Ну вот еще! – подумал солдат. – Давай-ка без сырости».

Мама писала о том, что они готовятся к праздникам, хор и молодежь разучивают новые песни, что многие в церкви спрашивают, как там ваш солдат, какие от него известия?.. Простой мамин слог рисовал Сергею картину, свежие еще воспоминания помогали все описанное представить: общение молодежи, смех девушек и нелепые, иногда неудачные шутки парней, праздничное богослужение и рождественская елка, с любовью наряженная к празднику. Потом снежки и обязательно валенки. Сергей посмотрел на часы – в это самое время церковная молодежь должна была отправиться на колядки. Есть такая традиция – в сочельник ходить по домам верующих и петь под окнами рождественские песни. Несмотря на поздний час, нередко это было уже под утро, христиане, услышав пение, впускали молодых людей в свои дома, где на столах стояли угощения: конфеты, стряпня, яблоки, иногда и апельсины, жареные семечки. Чтобы спать не хотелось, говорили угощающие. Спать и без того не хотелось. В дороге от дома к дому – веселые шутки, смех, кого-то в снегу вываливают, кто-то догонялки устроит...

Сергей перечитал письмо несколько раз, запомнил уже, наверное, каждую фразу, каждую запятую. Письмо было на четырех страницах, но казалось таким коротким. Сереже не хотелось расставаться с атмосферой, в которую погружал его мамин рассказ. Господи, как же все это теперь далеко! Тепло и уют дома, мамино внимание, искреннее расположение друзей и, главное, – адекватность окружающих.

С последним в армии наблюдался большой дефицит. Бессмыслица, пожалуй, главное, с чем должен смириться всякий здравомыслящий человек, попадая в ряды Вооруженных Сил. Сталкиваясь с тем или иным армейским явлением впервые, призывник обычно думает: зачем? для чего? какой в этом смысл и в чем рациональное зерно?

Почему, например, нельзя спросить: «Можно?» Почему нужно обязательно говорить: «Разрешите?» Отдать честь при встрече. Если ты в шапке. Если же ничего на макушке нет – просто прижми руки по швам и пройди строевым, ибо «к пустой голове рука не прикладывается». Выходить на улицу без головного убора тоже нельзя. Не положено! Обязанность кри-

чать: «Смирно!» – при появлении старшего по званию – туда же, в копилку нелепостей. Далее конкурсы «на лучшую тумбочку», «на лучшую строевую песню».

Но все перечисленное блекнет перед строгим указанием носить в нагрудном кармане шариковую ручку. Она всегда должна там быть. Всегда! Несмотря на то, что кому-то вовсе может быть не нужна, более того, может доставить, даже скорее обязательно доставит, проблемы. Ведь ясно же всякому советскому человеку, что купленная в военторге ручка рано или поздно потечет. Скорее рано. Едва попадет в карман. И что у военного строителя она обязательно сломается посередине. И снова потечет. Но без ручки нельзя. В армии. Не положено!

Ручки носили. Они регулярно текли. По этой причине практически у каждого воина, за редким исключением, в месте, где сердце, на гимнастерке красовалось темно-синее пятно. Оно с безнадежной последовательностью мало-помалу увеличивалось в размерах, а после стирки, что вполне естественно, расплывалось, превращаясь в незаслуженную и даже непрошеную на груди медаль. И ничто, ничто не могло его оттуда вывести.

При всем этом ручками солдаты пользовались крайне редко. И то верно: зачем строителю, работающему с отбойным молотком, киркой или лопатой, ручка? Ручки мешали, терялись, ломались, еще больше текли, но должны были быть.

Темно-синяя паста заливала страницы блокнота – еще одного обязательного атрибута, обязанного наличествовать в кармане. В нем, в блокноте, были, должны были быть обязанности солдата перед построением и в строю, ротная строевая песня, номер воинской части и, конечно же, фамилия командира взвода. Блокнот мешал при работе не меньше ручки, но обсуждению это правило не подлежало. Приказы не обсуждаются, они выполняются.

Хотя объяснение всему этому все же было. Мало ли какая прогрессивная мысль придет воину, например, во время перекура! Ее обязательно нужно записать. Или осенит вдруг идея, как победить мировой империализм. В этом случае ручка и блокнот приобретают уже стратегическое значение.

Политзанятия опять же. Военный строитель должен быть политически подкован: непременно должен знать, сколько стран входит в блок НАТО и сколько объединены Варшавским договором; помнить назубок, какое самое новое важное решение принял прошедший накануне очередной Пленум ЦК КПСС и почему необходимо делать отчисления в Фонд мира. Ни на минуту нельзя забывать о том, что организаторы так называемого крестового похода против СССР делают все возможное, чтобы поставить его на колени. Этому не бывать никогда! – вот в чем должен быть уверен советский солдат.

Все эти важные истины доводились до сведения личного состава замполитом роты. Его голос, манера держаться, осанка и хмурый лоб говорили о важности получаемых знаний. Воин же, в свою очередь, должен был все это аккуратно конспектировать. Записи в тетрадах для политзанятий неизменно проверялись перед поощрительной увольнительной. Нет конспекта – нет увольнительной. Вот еще почему всегда важно иметь в кармане ручку.

На практике тем не менее были сбои. В большинстве случаев личный состав не проникался исключительностью момента, поднимаемые на политзанятиях вопросы волновали его, кажется, не очень сильно. Еще меньше эту, по мнению воинов, пургу хотелось конспектировать. Зато очень хотелось спать. Голос пургомёта, как солдаты называли замполита, голос, а еще более суть его монолога, неизменно располагали к отдыху. Спать, понятное дело, не разрешалось. В наказание, в лучшем случае, можно было простоять до конца занятий на ногах, в худшем – отправиться драить «очко».

Анекдот о том, как американские милитаристы боятся советского стройбата, Сергей слышал еще во время призыва, в военкомате. Разведка США докладывала, дескать, своему командованию, что есть такой род войск в СССР, который называется «Зеленые бушлаты» и формируется исключительно из особо жестких парней. Так вот, этим головорезам даже оружие в руки не дают. Максимум, что им доверяют, – кирку и лопату.

Возможно, такая шутка и могла бы кого-то развеселить, но только не Сергея. Во всяком случае теперь, когда он попал служить именно в столь знаменитый у американских милитаристов род войск. В качестве первого задания им поручили копать землю на одном из участков гигантского металлургического комбината. Цель определили просто: разрушить построенный в прошлом веке кирпичный блок и вырыть на его месте котлован. И то и другое было связано с отбойными молотками, работу с которыми пришлось освоить всем тридцати без исключения военным строителям.

На территории НТМК, так назывался комбинат, все было красно-коричнево-грязным. Заборы и стены зданий, вагоны, курсирующие с раскаленным металлом между корпусами, и даже снег. Казалось, он уже с неба падал грязным. Соответствующим был и воздух – привкус металлической гари постоянно чувствовался на языке.

Когда солдат привезли на работу в первый раз, погода была не очень. При высокой влажности мороз крепчал. Нехотя выйдя из теплого автобуса, воины кое-как построились и пошли по территории завода. Затем разделились по отделениям и приступили к работе.

Здания в XIX веке строили добротнo. Красный кирпич крошился в пыль под острием отбойника, но ломаться решительно не желал. Приходилось побеждать его упорством, отбивать буквально каждый сантиметр. Рыть котлован было ненамного проще, замерзшая земля не поддавалась, отбойный молоток постоянно забивался и глох, чистить его – не самое приятное занятие. Компрессор закачивал в агрегат сырой холодный воздух, от этого внутри собирался конденсат, который моментально превращался в лед, отбойник переставал работать – попросту выгонял холодный воздух из всех щелей, но не долбил.

Процедура очистки не радовала никого. Нужно было разобрать инструмент, достать из него маленькие поршни, освободить их ото льда и промыть в бензине. Для этого нужно было снять рукавицы с окоченевших от холодного железа рук и обмакнуть их в леденящее топливо. Получался двойной эффект. Пальцы рук моментально белели, их нужно было растирать и как-то пытаться согреть. При сильном морозе сделать это достаточно непросто.

Иногда были дни, когда отбойники барахлили каждые 15–20 минут. Работа становилась невыносимым мучением. Солдаты не могли дожидаться перекура, который можно было провести в теплом вагончике. Курили прямо внутри, дым – хоть топор вешай. И не интересуют никого те, кто не курит, всем погреться охота. Иногда, а где же еще, как не на перекуре, солдаты заводили философский разговор.

– Скажи, баптист, вам правда драться нельзя?

– Правда. Однако это не означает, что нас можно безнаказанно бить.

– Ну а ежели по правой щеке тебя ударят, то что ты должен сделать?

– Подставить левую.

– Вот! А говоришь, нельзя безнаказанно.

– Нельзя!

– Обоснуй.

– А что тут обосновывать? В Библии написано, во-первых, «какой мерой мерите, такой и вам будет отмерено», а, во-вторых, «не оставайтесь должными никому ничем...» Надеюсь, уяснил.

– Ох, и хитрый же ты, баптист!..

Возвращались в казарму с забитыми кирпичной пылью глазами, трясущимися, нет, не от холода, а от отбойника и лома руками и отмороженными, пропахнувшими бензином пальцами. В роте их ждали отдохнувшие за время отсутствия личного состава краснощекие офицеры и прапорщики. Они были озабочены только высокой боевой подготовкой вверенного им личного состава, а потому устраивали всяческие проверки и различные занятия. Вплоть до ночи. После просмотра программы «Время» за новобранцев брались уже сержанты, тренировали отбой. За 45 секунд...

Любое общество, тем более закрытое, непременно вырабатывает собственные правила. На бумаге они, конечно же, нигде не закреплены, но именно эти нормы составляют основу взаимоотношений между людьми, волей судьбы оказавшихся в одном месте, в одно время, при этом существенно ограниченных рамками обстоятельств, возможностью передвижений, опять же, в основном только совместных, – людьми, вынужденными в течение долгих 730 дней неразлучно находиться в одной компании, которую они не выбирали и которая необязательно им нравится.

Сложно сказать, кто играет ключевую роль в выработке и закреплении этих правил. Скорее всего, складываются они спонтанно в результате многократных повторений и неукоснительного следования им все того же большинства и рано или поздно превращаются в привычку, а со временем и в естественную потребность всех невольников, заключенных в закрытом пространстве. Избежать этой участи сложно, почти невозможно, общество содержится в одинаковых для всех условиях, неразлучно 24 часа в сутки, семь дней в неделю.

Быт, как известно, формирует поведение личности. И не только поведение. Господствующие определения добра и зла, присущие казарменному обществу, нередко, чего уж скрывать, весьма своеобразны, представления о морали – что хорошо и что плохо, – мягко говоря, уникальны, вплоть до наоборот по сравнению, например, с общепринятыми на гражданке. Так или иначе, выработанным нормам вынуждены следовать без исключения все. Кем-то они принимаются добровольно, а потому легко и безболезненно, кому-то навязываются бескомпромиссным большинством, соответственно, ломая их собственные нормы.

Со временем, поняв, что спорить с установленными порядками бессмысленно, а иногда и опасно, человек вынужден смириться. Он прикипает к этим правилам настолько, что и по окончании службы долго еще продолжает практиковать то, что в начале службы казалось ему диким. Служба похожа на станок для дробления личности, конвейер, на который поступает с гражданки один – в большинстве своем, вполне нормальный человек, а на выходе появляется совершенно другой – переломанный, разобранный и заново собранный индивидуум.

И все же стремление к сохранению неповторимости в человеке сидит весьма глубоко. Казалось бы, чем могут отличаться люди, одетые в одинаковую форму, одинаково питающиеся, спящие в одинаковых постелях, сидящие на одинаковых табуретах, носящие одинаковые, в одном военторге купленные ручки с блокнотами и даже при ходьбе шагающие в ногу? И все же опытный глаз всегда увидит различия.

Шапка-ушанка, например. Ну как ее можно сделать другой? Шапка, она и есть шапка. Одинаково пошита. На одной фабрике. Но нет, шапка старослужащего и шапка «духа» – две разные шапки. «Старик» обязательно придаст своей кубическую форму. Именно кубическую. Для превращения нормальной шапки в куб запускается интересный процесс: в нее, с поднятыми и завязанными на шнурки ушами, набиваются, утрамбовываются книжки, чаще всего, уставы строевой и караульной службы, затем все это дело накрывается марлей или лоскутом простыни, обильно spryskivается водой и, наконец, заглаживается, прижимается, прижаривается раскаленным утюгом. Таким образом, зимний головной убор превращается в кирпичик, форму которого бережно хранит ее хозяин, периодически повторяя процедуру.

Как этот куб сочетается с формой головы, не играет совершенно никакой роли – голова солдата должна иметь форму шапки. Точка. В противном случае старослужащий будет выглядеть, «как дух». А это стрёмно. И еще кокарда. У «духа» она ровная, такая, какой ее сделали на фабрике. У «старика» – согнутая. Максимально. В дугу. Чем больше согнута, тем круче «дед».

В День Советской Армии и Военно-Морского Флота, 23 февраля, в актовом зале состоялся праздничный концерт. После утреннего развода весь батальон привели в клуб и рассадил поротно.

На сцене группа солдат при помощи не столько старых, сколько разбитых гитар, пыльного, с выломанными клавишами фортепиано и нескольких барабанов, которые когда-то были

цельной установкой, пыталась изобразить атмосферу праздника. Музыканты старались, как могли, и их старание оценила публика. Даже офицеры приосанились и заулыбались: смотри, какие талантливые у нас солдаты!

Лимит патриотических песен был, однако, быстро исчерпан, но время концерта еще нет. По расписанию запланировано дольше. К тому же оставалось настроение, парадная форма, желание праздновать. Что делать? Не гонять же по кругу одни и те же песни, тем более что особой популярностью в этой среде они, по всей видимости, не пользовались.

Почувствовав общее настроение, один из воинов со сцены обратился к комбату:

– Товарищ подполковник, разрешите спеть песню не по теме.

– Валяй, чего уж там, – улыбнулся офицер.

Зал мгновенно притих, а группа взяла первый аккорд.

*Жизнь играет с нами в прятки, «да» и «нет» – слова-загадки,
Этот мир, этот мир, дивный мир.
Время разлучает часто с теми, кто нам дарит счастье, —
Это жизнь, это жизнь, наша жизнь.*

*Мы вместе с птицами в небо уносимся,
Мы вместе с звездами падаем, падаем вниз.
Любим, верим, грустим, ошибаемся,
В сердце бережно память о прошлом храним...*

Припев солдаты горланили вместе с музыкантами. Песня «про жизнь» легла на добрую почву, прорвала оборону, вызвала бурю эмоций, тем более что все знали ее практически наизусть. Когда закончился последний куплет и стихли аккорды, зал засвистел и зааплодировал, требуя продолжения. Спели еще одну «из Антонова», затем еще. А после этого майор, вконец расчувствовавшись, вдруг спросил:

– А может, у нас из молодых кто-то петь умеет? Так пусть споют.

Все стали оглядываться на молодых. А те друг на друга. С этой стороны жизни молодых никто не знал. Поэтому пришлось спрашивать: «Эй, духи, рожайте быстрее! Сам комбат предлагает, такое не каждый день случается...»

Сергей выждал немного, давая возможность проявить себя другим сослуживцам, а затем, убедившись, что желающих нет, сказал:

– Я могу спеть, если уж можно.

– Баптист может, та-а-арийц подполковник! – выкрикнул ротный.

– Что ж, пусть поет, – неожиданно согласился командир.

Зал одобряюще загудел, а когда Сергей вышел на сцену и взял гитару, все стихло. В тишине полилась спокойная песня:

*Мама, ты плачешь, чтоб я не видал,
Слезы ты можешь сокрыть,
Но ты не можешь сокрыть от меня
То, что ты любишь меня.*

*Мама, милая мама моя,
Лучше тебя в мире нет.
Мамочка, добрая мама моя,
Знаю, что любишь меня.*

*Может, когда и обижу тебя,
Может, когда огорчу,
Ты только взглянешь с улыбкой, и я
Молча глаза опушу...*

По окончании песни долго никто не нарушал тишину, а потом зал взорвался. Молодец, салага! Классная песня! Браво!.. Любая песня о маме дорога солдату. А тут еще минор, да под гитару...

На следующее утро Сергей, что называется, проснулся знаменитым. Старослужащие находили его в казарме и просили написать слова песни. Кто-то принес в роту гитару. Весь следующий день, вплоть до позднего вечера, Сергей пел.

Петь Сергей любил с детства. Использовал любую возможность, чтобы петь. Через пару дней после праздника его поставили в оцепление. На площадке рычал огромный экскаватор, который столь же огромным ковшом загружал обломки кирпичных стен в кузова подъезжающих КраЗов. Задача Сергея заключалась в том, чтобы никто из людей не попал в радиус движения стрелы. Красным флажком он должен был указывать направление движения прохожим и автомобилям подальше от рабочей площадки. Парень старался максимально хорошо выполнить задание, при этом сам находился неизбежно близко к технике, ковш то и дело проносился у него над головой.

Пользуясь грохотом, исходящим от машин, молодой солдат ничего другого не придумал, как просто петь. Глаза цепко отслеживали ситуацию, прохожих было не много, одно другому не мешает, в конце концов, можно указывать дорогу, в прямом смысле слова, с песней на устах. Слышать в таком шуме можно было только разве что себя, да и то не всегда. Отчего бы и не спеть.

Несколько песен прозвучали под лязганье гусениц и грохот высыпаемого в кузов грузовиков кирпича. У Сережи пел не только голос, пела душа – наверное, впервые за время службы он попал в ситуацию, в которой мог себя чувствовать свободно. Следующая песня солдата была прервана неприятным стальным звуком. При погрузке очередного тяжеловоза случилась авария – натянутая под грузом кирпича цепь, державшая ковш экскаватора, лопнула. Ковш с доброй тонной ломаного кирпича сорвался и полетел по инерции в направлении, которое задало ему движение стрелы экскаватора – в сторону Сергея. Через мгновение ковш с грохотом ударился о землю, вмял грунт, разбросал осколки кирпичей и, нервно лязгнув змейкой цепи, слегка качнувшись вбок, наконец, застыл. Никто ничего не успел сообразить, только ужас в глазах экскаваторщика и оцепенелый солдат с красным флажком, в полуметре от которого приземлился смертельный груз.

Казалось, притих даже экскаватор. Машинист, наконец, очнулся, заглушил двигатель, выпрыгнул из кабины и подбежал к Сергею:

– Живой! – тряс его за плечи и оглядываясь на гигантский трактор, выкрикивал он. – Надо же, никогда не рвалась, впервые такое вижу... Ну, ладно-ладно, солдатик, видать, в рубашке ты родился.

– Да не в рубашке... Это мама за меня молится, – ответил Сережа, машинально страхивая с себя пыль и, кажется, все еще не понимая, в какой опасности только что был.

Казарменная жизнь новобранцев довольно быстро приходила в норму: команды солдаты стали выполнять почти автоматически, выработали привычки, завели друзей. Воины научились, не мешая друг другу, бриться по утрам, отбиваться, пока горит спичка, перестали стесняться справляться в уборной в присутствии толпы курящих тут же сослуживцев, без проблем стали наматывать портянки и избавились от мозолей. Неважно, что вместо них обзавелись грибком. Армейская жизнь налаживалась. И все же радоваться относительному спокойствию, как оказалось, было рано.

Старшина однажды утром подошел к Сергею:

– Сегодня на работу не идешь, остаешься в расположении.

Чуть позже обнаружилось, что не пошел на работу и Вовчик. Как только рота покинула казарму, обоих верующих вызвали в штаб. Комбат был хмур и подчеркнуто официален.

– Ну что, товарищи солдаты, очень жаль, что вы так и не сориентировались. Или все-таки надумали присягу принимать? – как будто на всякий случай спросил он.

– Никак нет, товарищ майор, – ответили в один голос парни.

– Зря, товарищи солдаты, очень даже зря. Ну... теперь ничего не изменишь. В политотделе размышляли, что с вами делать. Не скрою, рассматривался вопрос и об осуждении. Решили все же пожалеть. Но два баптиста в одном батальоне – это много, это уже коалиция. А коалиция – угроза государству. Поэтому вас переводят в разные части. Вопросы есть?

Вариантов для споров и возражений не было. Вопросов, разумеется, тоже.

– Ну что, дружище, вот и послужили вместе, – с грустью сказал Сергей Вовчику. – Дальше поодиночке, только на себя и на Бога надежда.

– Да, жаль, я уже здесь привык немного, – чуть не плача согласился Вовчик. – Ребята хорошие, да и вместе нам с тобой было бы гораздо легче...

Через полчаса подошел автобус, друзья обнялись, пожелали друг другу стойкости. Хотелось что-то сказать, но как-то не говорилось. Каша в голове, уныние в сердце. И тревога.

VI

Тревога – наверное, именно это слово наиболее точно могло бы выразить то, что было в душе Сергея, когда он, глядя в окно автобуса, соскальзывающего в колею накатанного, кое-где уже подтаявшего снега, пытался осознать, что с ним вообще произошло. Впереди маячила неизвестность: куда его везут, какие люди там служат, какой контингент, из каких городов? Что снова задумало командование? Зачем вообще все это нужно? Неужели нельзя просто дать возможность отслужить срок, почему обязательно нужно вновь и вновь пытаться сломить волю, усложнить жизнь? Все эти вопросы много раз проходили через сознание и всякий раз упирались в тупик. Одно казалось Сергею бесспорным – легче не будет.

«Совершенная любовь изгоняет страх», – вспомнил Сережа библейскую фразу. Какие емкие, красивые слова. Но кто способен их понять, не то что воплотить? Что это за любовь такая, которая страх изгоняет, к кому любовь, кого я должен полюбить, и вообще, как она, любовь, может быть совершенной? Понятно, что речь идет о чем-то возвышенном, абсолютно чистом и вряд ли достигаемом, во что нужно не только верить, но при необходимости и быть готовым положить за это жизнь. Без страха! Или же, напротив, не положить, но чувствовать себя после этого растоптанным, поработанным, уничтоженным и побежденным этим самым страхом.

А может, все это и есть Творец? Может, любовь к Нему делает человека по-настоящему свободным? Ведь только обладая какой-то особой Истиной, человек с таким спокойствием может сознательно пойти на риск, лишения, стойко переживать разлуку, терпеть боль, жертвовать, отдавать, добровольно отказаться от всего, даже призрачной видимости благополучия. И все это в обмен на что? На ничто! Просто. Потому что любишь. Нет, безусловно, здесь должно быть нечто Высшее, ради чего и жизнь есть смысл отдать...

Тагил, по которому ехал войсковой автобус, уже не был для Сережи чужим. Многие улицы он теперь узнавал и не испытывал больше тоски от того, что все это «не его». Вагонка, куда везли солдата для «дальнейшего прохождения службы», – район города, поселение, образовавшееся возле завода с соответствующим названием Уралвагонзавод. Название, впрочем, не совсем отражающее действительность, ибо на заводе, по свидетельству знающих людей, выпускалось в разы больше танков, чем вагонов.

Мимо проходной УВЗ, направо по улице, и вот его новая часть. ВСО-386, военно-строительный отряд, куда прибыл Сергей, был расположен, так говорили все, под самым носом у политотдела. Сюда отправляли на службу неблагонадежных солдат, а также тех, кто для офицеров политотдела мог оказаться интересным в плане проработки. Ну или на крайний случай, для тренировки. Все какая-то польза.

Расчет понятен и прост – дать возможность солдату послужить в коллективе, в который он попал при распределении. Привыкай, на здоровье, притирайся. Первые месяцы в армии самые непростые. Наряду с тем, что молодым людям нужно сломать практически все имеющиеся у них привычки, устои жизни, распорядок, условия, отношения с окружающими, им необходимо еще и разобраться между собой – кто чего сто́ит.

Этот процесс содержит в себе массу самых различных и всегда чувствительных, чтобы не сказать, болезненных моментов. Что ж удивительного, если в стремлении постоять за себя – а в этом всегда есть необходимость, – закрепиться на позиции в мужском обществе, на которой тебя не будут чморить, молодой сильный человек, часто при этом не умеющий регулировать свои эмоции, проявляет чрезмерную агрессивность, демонстрирует вспыльчивость (на всякий случай, чтобы не приставали), не ограничивает себя в жестокости. Нужно доказать, что ты – личность, в солдатском понимании этого слова, мужик, пацан, как угодно, что ты на что-то способен, убедить, что чего-то стоишь, чего-то достоин.

Сергею и его сослуживцам еще повезло: начало их службы было существенно облегчено тем, что в тот год министр обороны в рамках мероприятий по борьбе с дедовщиной в рядах Вооруженных Сил СССР приказал не смешивать новичков и старослужащих. В армии был начат эксперимент: одна рота – один призыв. Таким образом, молодых солдат миновала участь, которая более всего остального пугает призывников, – необходимость служить в одной роте со старослужащими.

Первым с прибывшим солдатом пожелал познакомиться комбат. Приказал с КПП вести прямо к нему в кабинет. Рота, в которую определили Сергея, в это время работала на объекте, так что время до обеда позволяло.

Подполковник Усенко, симпатичный мужчина с тонкими чертами лица отличался от окружающих коллег почти педантичной аккуратностью, интеллигентными манерами и столь же утонченным, как и его лицо, характером. Комбат никогда никому не грубил, принципиально обращался, за исключением редких случаев, к подчиненным на «вы» и был предельно аккуратен во всем: от одежды до выполнения расписания службы.

– Ну что ж, товарищ солдат, – произнес подполковник, после того как Сергей доложил о своем прибытии, – проходите, присаживайтесь, будем знакомиться.

– Благодарю, товарищ подполковник.

– Я изучил ваше дело, поговорил с бывшими командирами. Проблем у нас с вами, по всей видимости, не будет. За исключением одной. Вы, надеюсь, понимаете, о чем я?

– Да... Но мне казалось, что эта, как вы ее назвали, проблема уже позади.

– Позади она останется тогда, когда вы примете присягу. Ну или уволитесь в запас. А пока вы здесь, мы с вами будем работать. Это наша обязанность. Попробуем любые методы: как уже опробованные, так и новые.

– А разве еще не все испробовали? – задумчиво произнес Сергей.

– Нет, конечно, – ответил комбат. – Зная вас заочно, понимаю, что грубые формы с вами не пройдут. Попробуем другие методы.

– Например?

– Увольнения вам не видать, например. Не говоря уже об отпуске.

– Но почему? – попытался возразить рядовой.

– Как почему? В Уставе написано: «Солдаты первого года службы могут пойти в увольнение только после приведения их к Военной присяге». Присягу вы, товарищ солдат, не приняли, поэтому попадаете под эту статью.

– Это же тюрьма получается.

– А тюрьму вы, собственно, и заслуживаете! Ведь то, что вы делаете, это предательство Родины!

– Родину я не предаю. И вообще служить не отказываюсь. Делаю это, кажется, не хуже других. Почему не оставить меня в покое?

– Ну как же почему? – снова переспросил Усенко. – Мы воспитываем не кого попало, а советских солдат. Они должны во всем соответствовать высокому званию. Для меня работа с такими, как вы, не только представляет спортивный, так сказать, интерес, но и – буду откровенен – дает повод для очередной награды. В случае успеха, конечно. Вот я и буду его добиваться. Повторяю, любыми способами, – подполковник помолчал многозначительно, а потом закончил: – Идите в распоряжение, рядовой. Вы создаете впечатление разумного человека. Смею надеяться, что здравый смысл в ваших убеждениях в конце концов победит.

Неуютно. Неуютно чувствует себя человек, попадающий в уже сформированный коллектив. Там все друг друга знают, знают, кто друг, а кто недруг, кто слабее, а от кого можно и схлопотать. Неуютно новенькому – везде так. А если он еще и «чуждый элемент»... Он делает все «не так»: идет не так, стоит не так, смотрит не так... Для общества, в которое он попал, если это, допустим, армия, он – единица, штык, ну или лом, один из четырех сотен, в такой

же зеленой форме и черных, пропитанных кирзой сапогах. Никаких отличий. За исключением разве что того, что он – элемент. Чуждый.

Сергею предстояло найти свое место, как-то прижиться в чужой роте. Позже он узнал, что командир, перед тем как принять «неблагополучного солдата», ничего лучшего не придумал, как объявить личному составу: «Сегодня к вам прибудет не совсем обычный, точнее, совсем необычный, а еще точнее – очень странный, верующий в Бога и отказавшийся принять присягу воин. Его неплохо было бы воспитать, вправить мозги, что ли, чтобы о глупостях думать забыл...»

Длинный забор из бетонных плит, такой же одинаковый, как и везде, по всей стране, во всех городах, колхозах, там, где нужно, и там, где не к месту, узнаваемый безошибочно продукт какого-нибудь ЖБИ-3 или 4, разницы никакой, квадратиками выпуклыми или ромбиками украшенный, неизменным «Светка – дура» или, в зависимости от настроения, «... я тебя люблю» опороченный, тянется вдоль тротуара – по нему четыре раза в день, по два раза туда и обратно, утром, в обед и вечером, все долгие месяцы ходит рота. Теперь вместе с ней вдоль этого забора идет Сережа.

К забору привыкнуть просто, к людям в новом коллективе – гораздо сложнее. Рядовой Жураев мечтал о порядке. В тот день он был дневальным в вагончике, где переодевались и перекуривали солдаты, военные строители. Саша, или, как его чаще называли, Шура, отчаянно выдраил полы, расставил все по местам и только было устроился вздремнуть, как в двери вошел новенький, то есть Сережа, и явлением своим создал угрозу девственно чистому линолеуму, еще влажному после Шуриной тряпки.

– Мне сказали занять один из шкафчиков и переодеться, – улыбаясь, дружелюбно сказал Сережа.

У Жураева нахмурились, кажется, даже уши. Они, к слову сказать, были его достопримечательностью. Очень большие и очень, по свидетельству попробовавших их на ощупь, мягкие, они сделали своего хозяина некоей знаменитостью. Как узнал позже Сережа, чуть ли не каждый второй сослуживец хоть однажды пытался взять эти уши в руки по-настоящему. Шуру это невероятно раздражало. Но оттого страсть желающих пощупать его неприкосновенность только усиливалась. Ко всему прочему рядовой Жураев, будучи узбеком, выросшим в горах, очень плохо владел русским.

– Не ходи сюда, – грубо скомандовал Шура.

– Послушай, дружище, мне так или иначе придется пройти, – произнес как можно вежливее Сережа, стараясь не обострять без необходимости диалог. – Дай мне тряпку, я хорошенько вытру подошву и постараюсь не запачкать пол.

– Там тряпка, – не вставая с места, ткнул пальцем Жураев.

Сережа тщательно вытер сапоги, но после грязи на строительном участке вычистить идеально не представлялось возможным. Не говоря уже о целесообразности – максимум через два часа сюда ввалится взвод на перекур, и Саше-Шуре после их визита снова придется драить пол.

– Сказал, не ходи, – заорал Шура, когда Сережа со всей осторожностью двинулся в направлении шкафчиков. – Я твою маму...

– Э-э-э, приятель, давай ничью маму трогать не будем, – попытался остановить азиата Сережа, понимая, что тот произносит эти слова не потому, что знает их смысл, а потому, что слышал от других.

Но Шуру уже понесло. Решив, по всей видимости, что обязанности дневального дают ему какие-то дополнительные права, да еще по отношению к новенькому, он выдал на-гора все, что знал по-русски. Сережа успел отметить, что сказанное Жураевым не отличалось особой изысканностью. В дополнение к словесному потоку Шура стал махать кулаками перед лицом Сережи, не решаясь все же начать драку, но стараясь при этом изобразить готовность к ней.

Не подозревая о священности Шуриных ушей и вовсе не желая драться, Сережа схватил его именно за них и с силой наклонил Жураева вниз, усаживая на место, где тот только что сидел. Узбек тихо заскулил и смирился. Сережа спокойно завершил обустройство своего шкафчика и удалился на объект.

Монолитная, напоминающая огромного осьминога конструкция, не похожая ни на одно здание в городе, по замыслу архитекторов в скором будущем должна была стать лучшим ледовым дворцом в регионе. Пока же бетонная чаша одиноко возвышалась на грязном пустыре, заваленном строительным мусором, над приютившимися здесь же вагончиками.

Через таявшую грязь, перепрыгивая лужи, Сергей добрался до объекта, поднялся на залитое бетоном, но еще не освобожденное от опалубки крыльцо и вошел в чрево осьминога. Будущий хоккейный корт продувался всеми ветрами мира, был погружен в полумрак, одинокие лампочки, половина из которых не горела, болтались на толстых шнурах и не спасали положения – сюда неохотно вошел новый солдат.

Уже в первые часы работы Сергей заметил, что военные строители вели себя намного свободней, чем на его прежнем месте службы. Грузовики привезли щебень, выгрузили в зияющие амбразуры полуподвалов, и задача солдат была раскидать его равномерно по всей площади подвалов. Позже щебень должен залиться стяжкой.

Щебень был крупным, совковые лопаты его не брали. Да и не совковые тоже. Грузить его в носилки было крайне неприятно – острие лопаты упиралось в какой-нибудь голыш и дальше в кучу не проникало. В результате на лопате оказывались несколько камешков, которые воин и перекладывал в носилки. Попытки раскидать щебень – насколько долетит – без помощи носилок имели тот же успех. Стало понятно, что работы здесь на несколько дней, как минимум. Воины расслабились, торопиться было некуда.

Прибежал командир взвода, прапорщик.

– Так, чего так мало сделали?

– Дык, та-арищ прапорщик, невозможная работа, вы попробуйте эту дебильную щебенку на лопату набрать, руки отваливаются, мозоли лопаются, а кучи не уменьшаются.

– Разговорчики мне! К концу дня командир роты придет, смотрите, чтобы объем был.

К концу дня действительно пришел майор Катков. Его, судя по всему, объем интересовал в последнюю очередь. Майор был немногословен, был уже в возрасте, дослуживал свой срок перед пенсией и потому ходил, как выражались солдаты, на полусогнутых. На этот раз он пришел, тем не менее, с определенной целью.

– Товарищи солдаты, – проговорила его сутулая фигура тихим, безжизненным голосом, – городские власти попросили нас помочь на строительстве обелиска славы в парке неподалеку. Поэтому в распоряжение мы возвращаться не будем, а направимся сразу туда. Вопросы есть?

– А как же ужин, товарищ майор? – осмелился спросить кто-то.

– Мы будем работать так, чтобы до ужина успели закончить. Взвод, равняйся, смирно, прямо шагом марш. Левое плечо вперед...

В строю все были для Сергея незнакомы. Кроме, разумеется, Шуры Жураева. Тот смотрел на новенького косо и зло. Погоди у меня, дождемся вечера, говорил его взгляд. К счастью, рядом в шеренге оказался приветливый паренек из Перми, который, пока они шли к новому объекту, расспросил, откуда Сергей родом, и дал знать об этом казахам, коих в роте было немало.

Строительство обелиска заключалось для солдат в рытье котлованов. Городские подтянули к яме компрессор, организовали отбойный молоток. Обнаружилось, что никто им работать не умеет. Кроме Сергея. Первые месяцы службы он не выпускал его из рук, теперь вот пригодились. Он попросил доверить ему отбойник. Сослуживцы только успевали откидывать мерзлые куски земли, отделяющиеся от острия молотка. Когда тот заклинил, новенький за пару минут разобрал, почистил и собрал его. Воины переглянулись – зачёт, дескать.

И снова неровный, стянутый ржавыми скобами, однообразный, как солдатские будни, забор навеивает тоску, усталый и грязный взвод плетется вдоль него, едва передвигая ноги, в надежде успеть к остывшему ужину. Раз, раз, раз, два, три, в мороз и зной, дождь и снег. Раз, два, три, тянутся друг за другом бушлаты. Галерка, не растягиваемся, раз, два, три. Мелькают шапки, под каждой свои думы, и они точно не о бушлатах, шире шаг, может, о Светке, которая «дура», или о таком же точно сером заборе, который возле дома остался, на пути в школу был. Раз, раз, раз, два, три, к стальным воротам со звездами...

После ужина солдату положено личное время. Подшиться, побриться, помыться, сапоги и бляху начистить, письмо домой написать – все это нужно успеть до просмотра программы «Время». В казарме к Сергею сразу подскочил небольшого роста косолапый казачонок:

– А ты правда из Казахстана?

– Правда.

– И присягу не принимал?

– Не принимал.

– Правда баптист, что ли?

– И это тоже правда.

В это время Сережа увидел Жураева, машущего ему рукой, пойдем в сушилку, дескать, поговорить надо.

Сушилка – комната с двумя трубами, протянутыми на всю длину, как в автобусе поручни, с приваренными к ним крючками. На крючках висят 115 бушлатов, у стены, возле батареи отопления – несколько десятков пар сапог. В сушилке всегда жарко, на то она и сушилка – обмундирование за ночь должно просохнуть. Старики здесь любят спать, снимают с крючков несколько бушлатов, бросают их на пол возле батарей и спокойной ночи, малыши! Для молодых сушилка – идеальное место выяснить отношения, в переводе на простой язык – подраться. Звуков почти не слышно, ватники все глушат, и в случае необходимости сапоги всегда под рукой – есть чем швырнуть.

В сушилке Сергея ждали человек пятнадцать земляков Жураева, выросших в узбекских горных поселениях.

– Ты зачем Сашу абижал?

– Я не обижал, он сам на меня драться кинулся.

Откуда-то неожиданно прилетел сапог, бухнул в плечо и упал на пол. Сергей обернулся и тут же получил удар в бок другим сапогом. Правда, на этот раз обутым на ногу. В этот момент широко распахнулась дверь сушилки.

– Ста-а-й-й-а-ать! Не трогать его! – закричал чей-то голос.

В двери втиснулись несколько человек, все на одно лицо, казахи.

– Эй, зимляк, увчем деля? Мы тут свои вопросы решаем, да!..

– Я тебе не зимляк, я ему, – солдат ткнул пальцем Сереже в плечо, – ему земляк! Понимаешь? И пока не выясню, кто он и за что на него наезд, бить я его не дам. Понял?

Казахов в роте было гораздо больше. И дух у них был, судя по всему, боевой. Узбеки отступили. «Разберемся еще, не расслабляйся», – кинул последний из них, выходя из сушилки.

Расслабляться и вправду было рано. Над казахами в роте стояла еще одна сила. Девять человек из Коми АССР, все в полном составе успевшие до армии пройти малолетку – тюрьму для несовершеннолетних. Держались они особняком, никого не трогали, не чморили, но с первого дня службы дали понять: видели мы в жизни многое и терять нам нечего. Нас лучше не трогать.

Крепкие, немногословные парни в тот момент, когда Сергей в сопровождении двух диаспор вышел из сушилки, сидели в кубрике и неспешно делили между собой «угол», так на их наречии называлась посылка из дома. Один из них окликнул новенького:

– Земляк, поди сюда.

Пододвинули табурет, садись, угощайся. Хмурые в остальных случаях, парни смотрели приветливо:

– А ты почему присягу не принял? – спросил один из них.

– Библия запрещает давать клятву.

– То есть ты, типа, против советской власти прёшь, да?

– Не так чтобы очень. Просто власть требует от меня того, чего я не могу сделать, потому что это расходится с моими убеждениями.

– Ты, эт-та, бродяга, будь проще, да. Просто конкретно скажи, есть у тебя нелады с совестью или нет?

– По некоторым вопросам – есть.

– Ну вот так и надо говорить, а то начал тут: требует, убеждения. Мы вот тоже по некоторым вопросам с властью в непонятках, так что, можно сказать, есть у нас с тобой точки соприкосновения. Ты откуда ваще? Казахстан. М-м-м... ясно. А мы из Коми. Сыктывкар, Ухта, знаешь? Слышал. Да ты бери печенье-то, не тушуйся, наш братка угол от родаков получил. Чего урюки-то от тебя хотели? Били, что ль?

Сергей вкратце рассказал о конфликте с Жураевым, о земляках своих, которые, едва узнав, что он из Казахстана, встали на его защиту. Молодцы, узкоглазые, че, а нам тебя, слышь, воспитать приказали, вправьте, говорят, этому уроду мозги, он сумасшедший, а ты вроде как и нормальный фраер; хотя, так разобраться, нас они тоже ненормальными считают.

– А чё, бродяги, давай возьмем его под свою защиту, – предложил кто-то из собеседников, – пушай нашим батюшкой, типа, будет?

Заручившись согласием, старший из них встал, прошел на середину кубрика и сказал:

– Товарищи военные строители, внимание сюда! Вы все видели новенького. Кто не видел, посмотрите. Кто не слышал, передайте и запомните, если хоть кто-то его пальцем тронет, будет иметь дело с нами. Вопросы есть? Вопросов нету. Спасибо за внимание, расслабьтесь!

Так совершенно неожиданно и, можно сказать, спонтанно немногословные, спокойные, всегда внимательно слушающие любого собеседника и не спешащие выражать свое мнение, «за базар отвечать надо», но при этом умеющие постоять за себя парни взяли под свою защиту Сергея.

Леха Ерофеев, на вид вполне спокойный, носил на себе следы тюрьмы. Были они ярким примером его безбашенности, которая как-то даже не сочеталась с его внешним добродушием. Борозды нескольких шрамов на животе не могли не привлечь внимания каждого, кто видел Леху – солдатам положено умыться по пояс раздетыми, – безобразные следы глубоких порезов выглядели уродливо.

Спрашивать было неловко. Но как-то подшивались они в бытовке, Леха с голым торсом стоял за гладильной доской, утюжил кусок простыни на подшиву. Поймав взгляд Сергея, сам завел разговор.

– Малолетка, братуха, – улыбнулся Леха и потом, сделав паузу, медленно протянул еще раз, – малоле-е-етка! Мозгов-то у пацанов не густо в таком возрасте. Опыта – вообще ноль. Вот и придумывают себе понятия, а потом живут по ним. Мы же красную ткань вообще не признавали. Мамка мне как-то свитер привезла. За решетками – Заполярье, дубак, окоченеть можно. Свитер добротный, толстый, но... красный. И что, думаешь, я его взял? Забери его, говорю, мамка, обратно – меня ж пацаны засмеют. Почему засмеют? Дык ведь красный! Что значит, ну и что? У нас комсомол и партия краснознаменные. Всех в этой бадяге утопят скоро, а ты: «Ну и что». По понятиям – западло, понимаешь? Если и надевать что-то красное, то только носки.

– Почему носки? – удивился Сергей.

– Потому что топчешь, типа. Ну ты тормозишь, братан, – расплылся в еще большей улыбке Леха.

– А эти узоры тоже маменькой связаны? – показал глазами на Лехин пресс Сергей.

– Ты про это?.. – протянул тот, посмотрев на свой живот. – Свиданки редко нам давали. Ждешь ее, ждешь, а тут... Короче, наказан я был. За какой-то косяк, не помню. В карцер закрыли, а тут маманя приехала. Ей мусора объявляют, типа, свиданки не будет, ваш сын имеет взыскание. Не положено. Я узнал такое дело, говорю, если не дадите свиданку, пузо себе вскрою и кишки вам на стол вывалю. Не дали-таки. Козлы. Сделал все, как предупреждал, чё. За базар отвечать надо...

– А если б помер? – не выдержал Сергей.

– Ну, помер бы и помер, в тот момент мне все по барабану было.

– Очень странные понятия. А какие еще были? Из самых особенных.

– Ну, какие... Прием новичков в хату, например. Это не то, что тебя здесь в роте приняли, там по-другому было.

– Да если бы не вы, кто знает, как бы здесь обернулось. Ну, давай-давай, рассказывай. Интересно!

– А чё рассказывать? Заходит новичок в хату, ему на пороге белое чистое полотенце постилают. И смотрят, как онотреагирует. Если наступит на него – обвинят в неуважении. «Ни фига, наглый, на белое полотенце грязными башмаками! Мы его только что постирали». Если переступит – тоже неуважение, мы старались, типа, готовились к встрече, а ты так братву унижаешь. Короче, хоть так, хоть эдак по башке новенький получал. И били знатно, со знанием дела.

– Ну а как нужно было сделать, чтобы было правильно, чтобы, то есть, не получить?

– Правильно нужно было отшвырнуть ногой полотенце в сторону и показать на шконку, на которой хочешь устроиться: это – мое место! Типа.

– Да, веселая у вас там жизнь была...

Андрей Календеев в компании сыктывкарцев был, кажется, самым покладистым. Нет, конечно, он вовсе не был смиренной, как они выражались, овцой или еще хуже – чмошником, имел в себе стержень. С Календеевым они сошлись на гитаре. Сергей играл много лучше, показал несколько новых аккордов, пару трюков, помог подобрать песни Макаревича, которые Андрюха знал наизусть. Сергею тоже эти песни нравились, не в последнюю очередь потому, что Макар не боялся, хоть и косвенно, но все же апеллировать к Богу: (и Бог хранит меня), задавался вопросами о будущем – (что же будет с миром через двадцать лет) – и пел про три окна, одно из которых выходило в поле, которое по описанию очень напоминало рай. Так, во всяком случае, виделось Сергею.

Кроме гитары, Календеева интересовал потусторонний мир, и он почему-то решил, что Сергей в его поисках самый лучший помощник. В какой-то степени это, конечно, было так, но поначалу возникали недоразумения. Андрей спрашивал о гадании на картах, Сергей отвечал: это – грех. Андрей интересовался вызыванием духа умерших, Сергей снова отвечал: это – грех.

– Да что это у тебя все грех да грех! – возмущался Календеев. – Объясни мне в конце концов, что в таком случае вообще не грех.

– Все, что связано с Богом, – не грех, Он и Его повеления – святы, – отвечал ему Сергей. – А то, о чем спрашиваешь ты, Бог как раз запрещает. Все, что запрещает Бог, – грех.

– Но ведь если ты веришь в Бога, то должен верить и в духов умерших, – не унимался Календеев.

– Верить в то, что дух человека не умирает после смерти, и обращаться к духам за помощью – не одно и то же, – возразил Сергей.

– Не, ну, понятно, что есть светлые силы, есть и темные. А ты, вообще, сталкивался с какой-нибудь из этих сил?

– Было дело...

– Расскажи, а! – попросил Андрей.

– Я как-то несколько лет назад пытался описать этот случай в письме, – вспомнил Сергей. – Слушай, а давай я об этом рассказ напишу. И тебе память будет, и я навыки обновлю. Через пару недель Календеев получил тетрадь, в которой Сергей написал свой рассказ.

Рассказ первый. Встреча в сарае

До моего двенадцатого дня рождения оставалось два месяца. Я почему-то всегда очень ждал своих именин. Сейчас не так. И вот на время летних каникул отправили меня родители к родственникам в деревню. Там было весело, ребят много, мне это нравилось. Однажды затеяли игру в прятки. Кто бы мог подумать, что такая простая забава станет для меня причиной соприкосновения с потусторонним миром.

А дело было так. В разгар игры решил я спрятаться в старом сарае. В нем было немного сена, утвари всякой, мусора и еще много разного хлама. Мрак покрывал большую часть постройки. Забежал я в сарай и нашел себе уголок в темноте. К моей радости, там валялась то ли куртка, то ли плащ, чем я и поспешил себя накрыть. Для пущей надежности. Накрылся, притих, сижу...

Вдруг слышу: шаги. Причем как-то сразу недалеко от меня. Будто кто-то все это время рядом стоял, ждал, пока я хорошенько спрячусь, а потом дал о себе знать. Ну, думаю, проморгал, когда водящий к сараю пробирался. Теперь надо сидеть тихо. Шаги между тем спокойно и размеренно приближались ко мне. На детские, ребячьи, они явно не были похожи. Пока я терялся в догадках, кто бы это мог быть, шаги остановились прямо возле меня. Я затаился пуще прежнего и даже дышать перестал. Появилось какое-то предчувствие, что это что-то непростое, необычное. Мне стало страшно.

Мой страх оправдался. Уже в следующее мгновение то, чем я укрылся, начало вдруг на меня давить. Причем не просто так, как кто-то двумя руками давит на определенные точки, а сразу на всю площадь куртки равномерно, будто материя пластилиновой стала и начала сжиматься. Куртка придавливала меня к земле каждым своим сантиметром с одинаковой силой. И сила эта была нечеловеческая.

Уже через малое время мне стало больно. Мое положение – а сидел я на корточках – было крайне неудобным для того, чтобы сопротивляться такому давлению, грудная клетка прижалась к коленям, и я не мог нормально дышать. О том, чтобы сбросить с себя куртку, не могло быть и речи, я чувствовал на себе огромную силу. Мне было ясно, что куртка настолько равномерно давить не может. И даже несколько рук не смогут. Я стал судорожно размышлять, что могу предпринять в этой ситуации. И тогда в помутневшем сознании блеснула мысль: молиться!

Когда мое тело уже, казалось, совершенно было прижато к земле, я начал шептать: «Отче наш, сущий на небесах!..» Благо, я знал эту молитву наизусть. Но, вопреки моим ожиданиям, с началом молитвы давление еще более усилилось. Из последних сил я продолжал шептать: «Да святится Имя Твое...» Когда же дошел до слов: «Но избавь нас от лукавого», – сила, давящая на меня, вдруг резко, с каким-то даже шумом, наподобие ветра, отхлынула. Давление прекратилось, и я снова обрел способность нормально дышать. Будто из-под воды вынули. Что-то невидимое постояло возле меня еще какое-то время, а потом так же ровно, как пришли, шаги начали удаляться. Вскоре все стихло.

Не помню, сколько я просидел под курткой. Боялся пошевелиться. Потом, сориентировавшись в пространстве и попробовав вспомнить, где примерно в сарае расположены двери, резко скинул с себя куртку и пулей вылетел на свет. Ребята меня давно потеряли и стали уже волноваться, куда это я пропал. А я и до сих пор не знаю, что или кто это был, ибо ни до, ни, слава Богу, после того со мной ничего подобного больше не случилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.